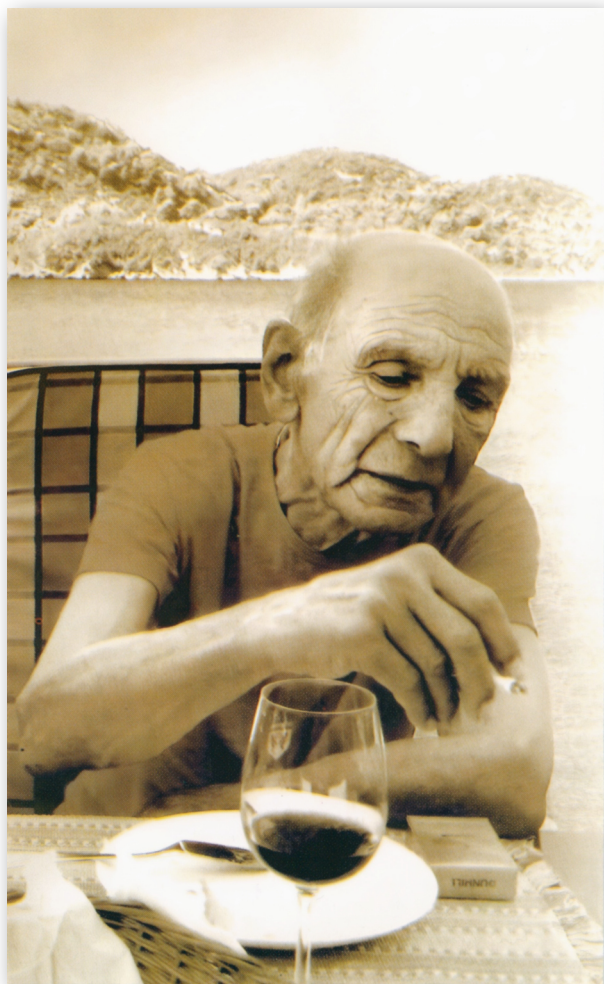

МИХАИЛ
АСЛАМОВ

Знаки препинания

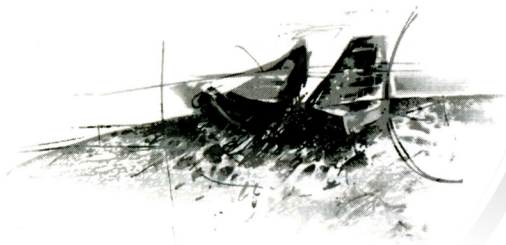

МИХАИЛ
А СЛАМОВ

Знаки препинания

Стихотворения

Хабаровск
2009

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус) 6
A72

Издано при финансовой поддержке
Министерства культуры
Хабаровского края

Издатель:
Хабаровское региональное отделение
Союза писателей России

А72 **Асламов Михаил Феофанович**
Знаки препинания. Стихотворения. —
Хабаровск, 2009. — 240 с.

Редактор: в редакции автора
Рецензенты: Л. Миланич, Ан. Полищук

Художник: С. Чешкин
Фото: Роберт Валдец (Хорватия)
Корректор: И. Шаврина

ISBN 978-5-98621-028-5

© М.Ф. Асламов, текст, 2009
© С.А. Чешкин, оформление, 2009
© Хабаровское региональное отделение
Союза писателей России, 2009

От автора

Когда-то Владимир Маяковский в меланхолическом настроении написал о себе: «Я родился, рос, кормили соскою, / Жил, работал, стал староват. / Вот и жизнь прошла, как прошли Азорские / Острова». Эта лапидарная поэтическая фраза с судьбой самого Поэта не совпадает: он жил крупно, яростно, громко. И поставил трагический восклицательный знак, зачеркнув свою жизнь до кровавой точки от пули. Вот такой «знак препинания». Примеряя эту фразу на себя, я бы выделил глагол «работал»: детство стремительно проскочило, разбившись о «камень преткновения» — Великую Отечественную войну, и в тринадцать лет, считая месяцы обучения, я встал наравне со всеми к токарному станку, по записи в трудовой книжке 9 мая (!) 1943 года. И вот доскрёбываю уже восьмой десяток...

Родился же я в многодетной семье (был четырнадцатым ребёнком-последышем) забайкальского казака-крестьянина. В конце 20-х годов снялся Феофан Фадеевич с родного места и покатился дальше на восток, теряя по дороге детей: то ли в поисках лучшей доли, то ли на море поглядеть... В этой дороге я и родился 1 октября 1929 года на дальневосточной железнодорожной станции Бира. Это и есть моя милая малая родина. Помню, на одном из съездов писателей в Москве через огромный вестибюль теперь уже исчезнувшей гостиницы «Россия» окликнул меня Виктор Петрович Астафьев и пошли мы навстречу друг к другу. Обнялись. «Читал, молодец! — сказал он, развёртывая газету. — А Бира — это же где?» Праздник был на душе...

Раннее детство со школой-семилеткой протекало в посёлке Каменка Дальнегорского района Приморья. И работать там начинал. После войны уехал в Комсомольск-на-Амуре учиться в судостроительный техникум (позже политехникум). Строгий был город-мастеровой: словно неотступно к тебе приглядывается, приценивается. Я потом написал о нём:

*Но отроду был город —
Словно бы справедливость сама:
Никогда,
 никому,
Ничего не давал задарма!*

Долго к нему приживался. Летом уходил на заработки: то в портовые мастерские, то сезонил на колёсном буксире «Минин» машинистом по две вахты в сутки на Амуре...

Отбился от дома. Но техникум окончил с отличием, очень этим горжусь и поныне. Спасибо тебе, мой строгий город!

С 1950 года живу в Хабаровске: работал на заводе п/я 338 (имени М.Горького!), в совнархозе. Заочно учился в Иркутском госуниверситете, когда библиотека — твоя вторая смена, а после — в Москве на Высших литературных курсах при Литературном институте (тоже — имени М. Горького!). Куда ни кинь — везде литература...

Стихи писал с детства, но считал баловством. Но как-то литкружковцы заводские послали мои стихи — подумать только! — в журнал «Юность». Так ведь напечатали. Одно! В 1961 году. Задумался... И вдруг на заводе получил письмо от маститого писателя Всеволода Никаноровича Иванова, после эмиграции определённого на местожительство в Хабаровск: отклик на трёх страницах на короткое стихотворение из молодёжной местной газеты.

Заметил же! И журнал местный «Дальний Восток» стал поддерживать. И первую книжицу слепил со своими наставниками С. Смоляковым и Ан. Рыбочкиным. Попал вольнослушателем на известный Читинский семинар молодых писателей в 1965 году, рекомендовали в Союз...

В дальнейшей своей поэтической судьбе активного участия не принимал. В 1966 году, после Читы, попали мои стихи на глаза Сергею Наровчатovu (тогда секретарь Союза писателей СССР). И как снег на голову: в «Правде» (в советское время — главная газета страны) огромная статья С.С. Наровчатова «Гражданственность поэзии» и целая колонка о моих стихах. А у меня в издательстве арестован Главлитом тираж книжки «Начало дня» за неаккуратное стихотворение: «К словам высоким в наши дни народ / Стал осторожен. Он ли в том повинен?..» Помог Сергей Сергеевич: пошла книжка!

Но где-то в 1968 году открыл мне В. Астафьев, что в письме к нему очень уважаемый прекрасный критик А.Н. Макаров весьма неодобрительно отзывался и об упомянутой статье С.С. Наровчатова и обо мне.

Дословно выписка из письма по книге «Зрелый посох» В. Астафьева: «В Москве был пленум о поэзии. Об уровне можете судить по статье Наровчатова в «Правде», где он какие-то слабые стишки нового «гения» (в газете «Асламов». — *Авт.*) выдаёт за гражданственность. И пишет о нём рядом с Берггольц и Смеляковым...»

Кто был прав из авторитетнейших знатоков поэзии? Как ни странно — оба. Сергей Сергеевич восстаёт против «декламационной» мнимой гражданственности в поэзии. (Выделены слова текста из книги С. Наровчатова «Атлантида рядом с тобой». — *Авт.*) На примерах О. Берггольц и Я. Смелякова показывает, что «подлинная гражданская поэзия сейчас сочетает в себе публицистику

и лирику, философию и историю», то есть лирически опосредствованна. Ему видится, что «на стражень этот выходят... молодые силы поэзии...» Он прослеживает тенденцию.

Александр Николаевич боится, что поэт-боец Наровчатов начинает набивать новую обойму «молодых гениев». И его понять можно. Впрочем, нечто подобное в поэзии можно наблюдать и сегодня по другим принципам или в силу вкусовщины.

С. Наровчатов ненавязчиво, но опекал меня. Даже к переводам подвигнул: в 1968 году свёл меня с молодым абхазским поэтом Виталием Амаршаном (Маршания), перевёл я большую подборку стихов и опубликовали её в «Правде». (Ах как щедро лилось на «обмывке» домашнее абхазское вино в кругу родственников Виталия!) Но слава богу, не стал я «редакционным строчкогоном», по выражению Евгения Рейна.

За два года Литературных курсов в Москве начинаешь по-иному видеть привычное, в чём, очевидно, и смысл внутреннего обогащения. Прекрасные наставники, новые знакомства... Я там познакомился с русским поэтом божьей милостью Николаем Рубцовым, хотя и встречался с ним эпизодически. Короткое время жил я в общежитии Литинститута с женой и дочерью Юлией. Трёхлетняя воительница сумела «отвоевать» себе пространство — и с горящими немигающими глазищами колесила на своём велосипеде по длиннущему коридору. От её «колесницы» шарахались писатели, с удивлением и восхищением глядя вслед. По весне почти каждое утро улавливал я тихое постукивание в дверь, открывал её — и Рубцов смущённо протягивал букетик сирени, наблюдал, как я укладываю его у подушки Юли, и закрывал дверь. В этом было что-то ритуальное...

Когда я жил один, он иногда заходил, всегда трезвый, и, после короткого разговора, неожиданно говорил: «Я тебе стихи почитаю...» И, покачиваясь на стуле, склонив низко голову, долго читал, не поднимая головы...

С щемящей жалостью таким я его вспоминаю, переполненного нежностью, которой хватило бы на человечество...

После Мосвы служил и учился 17 лет в редакции журнала «Дальний Восток» в качестве заведующего отделом поэзии, с интересом принимал на себя массу разных общественных нагрузок. А писал мало... Может, и к лучшему... Но поддерживал во мне т. н. творческое горение журнал «Наш современник». С 1987 года и до сих пор служу в писательском товариществе в роли председателя, что означает в нашем обиходе — «козлом отпущения»... Заслужил...

Маяковский советовал: говори о себе только хорошее, а плохое о тебе скажут твои друзья. Ан нет же! Был у меня старший друг-наставник, прекрасный поэт Марк Андреевич Соболев, который нашёл когда-то для поэта Михаила Асламова добрые слова. Такие я редко слышу ныне. Вспомню же слова старого мастера: в них всегда и урок, и завет:

«Он стал поэтом не с помощью прочитанных книг, абстрактных размышлений на высокие темы, ловкого владения искусством версификации... Его наукой была сама жизнь во всей её нелёгкой подлинности. Михаил Асламов обладает двумя ценными качествами: талантом (Бог недодал, а Марк Андреевич не поскупился. — *Авт.*) и биографией...

За внешне непритязательными, наполненными приёмами быта строчками у него почти всегда — мысль, находка. И конечно же высокая поэтическая культура.

Прекрасно, что у него есть в поэтической работе вечно юная помощница — улыбка. Даже когда он говорит о вещах трудных и горьких...

Он смотрит на вещи по-своему, у него своё мироощущение и своя манера общения с людьми через строчки. А своеобычность порой раздражает, но если наличествует стандарт — нет поэта...

Я думаю, что поэтическая старость ему не угрожает и вряд ли с возрастом придёт к нему то «позорное благоразумие», о котором говорил Маяковский. Есть крепкая зрелость, к счастью не добавившая ему эдакой сытой солидности. Это — предзимье, «когда невозможно помыслить о злобе и мести, но можно неложно подумать о долге и чести».

✱ ✱ ✱

Странно:

стал ценить воспоминания.

Расставляю знаки препинания,
Словно прожил жизнь без запятых.
Ну, а жил совсем не созерцательно!
Вопросительно

и восклицательно,
«Препинали» — в темноте под дых.

Жил, преодолевая передраги.
Шёл по руслу наподобье драги —
Что намыл, то государству сдай!
И порою в этой крутоверти
Доставалось так нам, что, поверьте,
В самый раз — ложись да помирай.

И когда до сердца припекало,
Находился кто-нибудь бывалый
С присказкой: бывало и не то!
Кто, покойно отходя от дрожи,
Радовался: выдюжили всё же!
Дескать, после — вспомнить будет что...

Где же вы, напарники, сегодня?
Сколько вас записано в синодик —
Как им там, за пазухой Христа?..

Знаю,
 что когда беда обложит,
Значит — жизнь настало подытожить,
Счастлив, коль себя не обокрал.
Потому как — в памяти спасенье,
Где опорой — камни преткновенья,
На которых душу обдирал.

Слепой дождь

ВРЕМЯ ОТСТОЯ

Чёрные баржи в замёрзшем затоне,
Словно изюминки в белом батоне,
И — ни души...

Словно бы Время само на отстое —
Лошадь,

 позвякивающая уздою,
Снегом
 похрустывающая в тиши.

Стала река.

 Наработалась сладко.
После сует и мирских беспорядков
А не пора ли замкнуться в себя?
Хватит забот ей и без теплоходов!
Надо творить, что велела Природа,
Время текучее не торопя.

В этих заботах, Природе на прибыль,
Выкормить,

 выходить
 выводок рыбий —
Воспроизводству губителен сбой...
Выпали сроки замкнуться
 подлёдно

Рекам. И вам, если это угодно, —
Надо ж когда-то заняться собой!

Время отстоя...

Оно не пустое:

Зона, где властвует чувство шестое,

И прозревается что-то простое —

Это от Бога и только твоё!

Можно заняться ремонтом моторки

Или зачистить

контакты подкорки —

Глухо доходят сигналы её.

✱ ✱ ✱

*Меркнут знаки Зодиака
Над просторами полей.
Спит животное Собака,
Дремлет птица Воробей.
Н. Заболоцкий*

Спит село на Осиновой речке —
Прикипает к ладони щека,
И дремотно под пустошью млечной,
Стержневая бормочет река...

Хорошо мне, на лавочке сидя,
Отрешась от забот и обид.
Дрыхнет тот, кто меня ненавидит,
И кто любит, наверное, спит.

Почивает собака на сене.
Тишина... Знать и вправду, дана
Ночь такая душе во спасенье,
Безоглядно открытой до дна.

А с чего бы под звёздным сияньем,
Ощущая струящийся хлад,
Все шепчу я слова покаянья,
Хоть не знаю — а в чём виноват?..

Божий пасынок, сытый причастьем
Горьких будней, учусь понимать,

Что, смиряя гордыню, почаще
Надо к небу глаза поднимать.

До слезы
 замутнённое око
Пусть промоет небесная высь...
Не хватает ещё гороскопа
На мою на останую жизнь.

Но любой гороскоп не сгодится,
Ибо, верен науке своей,
Не учтет ведь астролог в таблице
Огонек сигаретки моей...

ПОДОРОЖНИК

Он так зовётся потому,
Что средь немногих
Судьбой назначено ему
Жить при дороге.

Он — придорожная трава
Средь разнотравья,
Где утопают все права
В грязи бесправья,

Его колёса мнут во зле
И сталь мотыжит...
Он стелет листья по земле,
А к Богу — ближе.

Бредёшь с полуоткрытым ртом
Правдоискатель,
Тебе он — под ноги ковром,
А хочешь — скатерть.

Простолюдин он по судьбе,
В прожилках кожа...
Он зла не помнит — и тебе
Ещё поможет.

От раны малой он листком
Всю боль оттянет.
Вот так лечились испокон
Его крестьяне...

Ты Правду ищешь — он поймёт,
Восстав из грязи,
Антенно усики взметнёт:
Мол, я на связи!

И изнемогший от тщеты
Пред небесами,
— Где Правда? Где? — возропцешь ты.
А под ногами...

В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Н. Демиденко

В дни перестройки иль переворота,
Когда взбурлил по-бражному народ,
Он выпал, как бы вдруг, «из оборота»
И вот живёт «в себе», как будто крот.

И правит огород, и дров нарубит,
Всё на себе, как скажет, на пупу...
Но вот придёт тот день — святой и любый,
И солнышком промоет всю избу.

Он свежую рубашечку достанет,
И брюки, отлежавшие свой срок.
С женою Ирой, словно на свиданье,
К родителям пойдёт, «на бугорок»,

Там рядышком — Прасковья с Родионом,
На сопочке, на взлобье за рекой.
Их отпевают птахи в тихих кронах,
И он пригубит сам за упокой.

И не спеша могилки обиходит —
А чем ещё им можно отплатить?
И спросит про себя, не при народе,
У них, родимых: — Как же дальше жить?..

О, как ему завидую тогда я!
А где мои — могилок не найдёшь...
И чёрствости душевной потакая,
«Всё некогда», — скажу. А это — ложь.

Но я испорчу этот праздник Коле,
От зависти, и это он поймёт:
«Когда, — спрошу, — покроешь крышу толью?
А то и дом родительский сгниет...»

ПОДКОВА

Конь бежит, прядёт ушами,
Сани мчатся, будто сами,
Впереди лесоповал.
Славно

при попутном ветре!
Но на пятом километре
Конь подкову потерял.

Чешет плешь хозяин-плотник:
Конь, конечно, не работник,
Поворачивай, не ждя.
Коль в селе кузнец рисковый:
Это надо же, подкову
Прицепить на два гвоздя!

И вернулся снова к кузне
То ли грустный, то ли грузный,
Не работал, а устал.
А кузнец могуч и весел:
— Чо ты уши-то развесил?
Заводи кобылу в стан!

Плотник — тоже мне, философ! —
Дышит тяжело, смотрит косо,
Негодует, не грубя:
— У хозяина бы раньше
Ты б такой не спял фальши...
Власть испортила тебя!

Ты бы Власть, мужик, не трогал!
С этим делом было строго,
А кузнец-то был во зле.
Дышит время непокоем,
И чекисты под рукою
По своей нужде в селе...

Ну и за полночь «забрили».
Но конечно же не били,
Раз и ткнули о заплот.
Крюк дверной с испуга клацал,
Молча резали матрацы —
Знать, искали пулемет.

Сын меньшей — в руке трусишки,
Недвижим. А где братишки?
Да жена дрожит без слов.
Дело делают ищейки.
Братьев нет — на комачейке,
Дел у них — до петухов.

А мужик сидит сутуло.
Жили-были — ветром сдуло,
Скрючен, скучен под виной...

Через две зимы, под лето,
Не понятно как одетый,
Но вернётся в дом родной!

Виновато улыбнётся,
Сын меньшей к нему приткнется,
В суете смешной жена.
Под глоток соседской бражки
Он покажет всем бумажку:
Не доказана вина!

Чист отец, честны чекисты!
Сыновья — вновь коммунисты,
Коль в порядке всё с отцом.
Рады как! «Примкнули» снова...
Но звенит, звенит подкова
На гвоздочке над крыльцом.

Рад — не рад отец такому.
Говорит сынку меньшому:
— Ты работать привыкай!
Проворчал: — Уж то-то рады...
Ты, сынок, за бога ради,
Ни к чему не примыкай...

Спилен лес — остались комли.
Весело, да нелегко мне,
Сыну младшему, жилось.
Жизнь прошла — и песня спета.
А исполнить из заветов
Лишь один и удалось...

И блюдут заветы крепко
Своего лихого предка
Дети-внуки кузнеца —
Не похожие с лица.
Но в такой смурной эпохе
По эпохе и пройдохи —
Переплюнули отца!..

Жизнь ты наша, птица-тройка!
И куда несёшься только?
Ездовые правят бойко,
По ухабам — будь здоров!
Так воры уходят с кражи,
А того не видят в раже:
Коренник-то без подков.

Всё, что было, — потерялось.
А какая открывалась
Даль с отцовского крыльца!
И осталось от бывшего —
Только ржавая подкова
От отца и кузнеца.

КУСТ ОРЕШНИКА

Над материнской могилой
Подгнил уже крест.
Сизо глубок
В этот утренний час окоём...
Словно бы падает на сердце
С чистых небес:
Что ж опоздал ты
К последнему слову её?
Все поглотила
Глухая, холодная мгла,
Только жестокую тяжесть
Всё помнит плечо.
Мне говорили соседи:
«Легко отошла...»
Дескать, спросила:
«А он не приехал ещё?...»
Кустик орешника
За ночь промок и продрог,
Вскрикнула ранняя птица —
Видать, невзначай...
Может, спросила бы:
«Что ж ты так поздно, сынок?...»
Может быть, просто
в усиллии смертном:
«Прощай...»

Просто... Что знают
Об этих словах словари?
Их разночтенье
Замешано в каждой судьбе.
Скажет «Прощай...» —
Как последним тебя одарит.
Скажет «Уйди!..» —
И не будет прощенья тебе!..
Что прошептали
В предсмертной истоме уста?..
Птичка хлопочет —
У каждого дело своё.
Капля росы прозвенела,
Сорвавшись с креста, —
Это ли отзвук
Последнего слова её?..

ЯСНАЯ НОЧЬ

Ненастье смыло летний зной,
И дух земли отходит влажно,
И дышит небо глубиной,
Дождём промытое вчерашним.

Всему на свете есть конец.
Но — это небо, эти звёзды!..
О чём тревожась, мой отец
В ночи засиживался поздно?

Бывало, выйдет в темень мать
И скажет, как запричитает:
— Чего таишься, будто тать?
Дымишь да звёздочки считаешь...

Да, ход времён необратим.
И в памяти кружась, как лодка,
Чем дальше ты, тем ближе к ним,
И стали мы с отцом погоды.

О, мать! Коснись рукой живой.
В миру сейчас такая смута!
Ты видишь: я сторожевой
И жду побудку поминутно.

Всплакнёт: «Какой ты старый стал,
Сынок, без моего пригляда...»

Пожалуюсь: — Я так устал!
Мне ничего уже не надо.

Скажу: — Темно в моей душе,
И лучше б я с тобой остался.
Вот проскитался — и уже
Одной звезды не досчитался...

ести — словно с войны...
 Не хочу. Я и той нахлебался.
 Поет чувство вины,
 Будто сам за похлёбку проданся.

Друг своё «отскорбел»,
Победивший врага в поединке,
Лишь дожидаться успел
Внука. Парня глазастого. В цинке.

С болью скулы сведёшь,
Но, увы, скрежетать уже нечем.
И — трясинная ложь,
И уходим по пояс, по плечи.

Никого не виня,
В лес уйду, как от нечисти клятой.
Но — достанет меня
В спину
 скорая очередь дятла!

Ах, как блещут стрижи
На закате над домиком дачным!
Словно точат ножи
На невидимом круте наждачном.

Как в расплавленный туф,
Солнце сходит в заоблачный кратер,
Краснооко сверкнув,
Яро,
 словно Малюта Скуратов.

СТАРИКИ

Не могу на игрищах-собраниях,
Где в колоде — истина и ложь,
Видеть стариков
без сострадания,
Словно их призывали на правёж.

Вот сидит он — руки на колени,
Жёлтые, в узлах тяжёлых вен,
Белый весь,
словно обрызган пеной
Мощного потока перемен.

Головою вертит — и под кожей,
Как валун, катается кадык...
Кем он был?
Он просто был моложе
И к собраниям, видно, не привык.

Всё в страде — то в ратной, то в покосной,
Делал всё, с руки иль не с руки.
Землю обихаживал,
всем козням
Внутренним и внешним вопреки.

Внове всё ему и так знакомо!
Этот вечный шабаш среди бед.

1993 г.

✱ ✱ ✱

Ты в миру стал никчѐмен и сир,
Нет ни навыка и ни сноровки,
Чтоб словчиться — и выхватить сыр,
Пресловутый тот,
из мышеловки.

Вот и слушаешь речи вождя —
То-то благо! — о счастье грядущем...
Всѐ решится
на вече дождя
Между небом и вымокшей пущей...

Как славно посидеть, любуясь птицами!
Как радуют вокруг дары природы!
Но прёт пырей
 с упорством оппозиции
Среди вполне здорового народа.

Трава копной. Полю без перекура.
Ишь как вздохнуло полюшко родное!
От сорняков освобожу культуру,
А сорняки ждёт участь перегной.

А перегной я, следуя порядку,
Едва землю солнышко прогреет,
Под перекопку разложу по грядкам
По изумрудно свежему... пырею.

Р. С.
Смешно: стихи пишу о сорных травах!
Кто не даёт, витая в эмпирях,
Писать о птичках, облаках кудрявых,
А прослыву, видать, певцом пырея.

ПРЕДГРОЗЬЕ

Закрыли тучи свод небес,
Ветрами верхними гонимы,
Дурным предчувствием томимый,
Насторожённо замер лес.

Он только нервно трепетал,
И птицы онемели в чащах...
Зато мирок
 существ мельчайших
В тиши щемящей слышен стал.

Шуршит бесчисленная рать
Жильцов, бегущих в муравейник.
Торопятся — какое рвенье! —
Все выходы замуровать.

И как-то странно на реке
Вдруг стало четко различимым
Поскрипывание личинок,
Спешащих спрятаться в песке...

Вот-вот ударит гром из мглы
Огрузли тучи, словно танки.
Сосредоточены листвянки,
Как орудийные стволы.

П

РИГРАНИЧЬЕ

По весне одни везде заботы,
Что по духу — празднику под стать...
Ишь, как ладно он вошел в работу,
Как ритмично взблескивает сталь!

И парит под тёплым солнцем пашня,
Словно бы отходит ото сна,
И сверкает росно без рубашки
Беззащитно белая спина.

В ритм войти — а там пойдёт, не внове!..
Только — что с ним?

Словно кто позвал:

Развернулся — как на полуслове
Начатую песню оборвал.

И застыл на миг в неловкой позе,
Опершись на черенок рукой,
Словно бы почувствовал угрозу
В перелеске близком, за рекой.

Оглядел свой бережок пологий:
Вон застава — как и должно быть...
Устыдился ли своей тревоги?
Или просто — захотел попить?

Надо ж человеку распрямиться,
Чтоб водицы кружечку — до дна!
Или для того, чтоб убедиться,
Что спина его защищена?..

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДУМЫ

О чём он, устроясь на камне,
Задумался в виде природы,
Безвольно босыми ногами
Взбивая проточную воду?

О том ли, что впору напиться,
Имея бы энную сумму,
Покуда в далёкой столице
Идет заседание Думы?

Занять? Так любой рассмеется.
Потребуй

долги по ремонту —
Директор совхоза сошлётся
На происк Валютного фонда...

Сидит он на фоне заката,
Печалью питая молчанье.

Но слышит, как милая хата
Его окликает мычаньем:

Мол, плюнь ты, хозяин, на эти,
На все мировые раздоры!
Цветут огуречные плети,
А скоро пойдут помидоры.

И пусть колобродит столица,
Порочная жизнь городская!..
Проточная льётся водица,
Усталые ноги лаская...

Упаду на соцветия клевера,
Утону с головою в траве,
Чтобы ноги — к прохладному северу,
И усталым лицом — к синеве.

Мне в ложбинке меж
 меридианов
Под покачивание земли
Сладко слушать, как в мареве прямом
Поздирительно кружат шмели;

И комарик незлобно проносится
Нереален, как будто фантом,
Упираясь лучом в переносицу,
Кувыркается солнце винтом;

Муравей из ничейных владений
По щеке пробегает к виску,
И губами тянусь, как младенец,
К шляпке клевера, будто к соску...

Я один
на земле этой грешной,
Боль её отдаётся в спине.
И один лишь кузнечик потешный,
Несомненно сочувствует мне —

И пульсирует дробь многоточий,
Словно весть неизвестно кому...

Травка малая ухо щекочет,
Что-то тайное высказать хочет
По секрету, да я не пойму.

Я нездешний, трава.
Я пришелец,
Я спустился сюда по лучу.
Мне б уснуть под беспмятный шелест.
Не мешайте. А то улечу...

ЦАРЬ

Ты только мне не говори,
Что средь природы мы — цари.

Я был знаком с одним царём:
Он, восхищённый глухарём,
И, от удачи щерясь,
Их по-палачески крушил,
Когда он рыбу потрошил,
Пришедшую на нерест.

Его столица — лесопункт.
Там не поднимут люди бунт,
А рыбы просто немые.
Он запряжёт свой вездеход —
И перейдёт подлесок вброд,
И никакой дилеммы.

Не зря он за лесоповал
Имеет множество похвал
И возведён высоко.
А сколько навалил всего,
Спроси учётчицу его —
На штабеле сороку.

И говорят, что в этот год
Другой размах, другой расчёт —
Он, распалясь до злости,
И сердцем глух, как тот глухарь,
Не пожалеет, этот царь,
Берёзки на погосте.

✱ ✱ ✱

Всё, что было, — отпылило,
Отпылало — улеглось...
Славно время отпилило,
Обрубило вкривь и вкось

От ещё живого древа,
В заварухе и впотьмах
Всё, что вовсе омертвело,
И живое — под замах!

Всё же дерево не пропало
Под пилой добра и зла.
Лишь на срезах выступала
Накипь горькая — смола.

И темнела на изломах...
Видно, всем чертям назло,
Не на жирных чернозёмах
Это дерево возросло.

А возросло на почве грубой —
Может, тем она любя,
Вся солёная до глуби,
Как российская судьба...

*А*НГЕЛ МОЙ

Я — старый воробей,
Проживший на мякине
Заманчивых идей,
Горчащих и поныне.

Всё перепреет, друг,
Под Божьим солнцепёком...
Мы не жалели рук,
Нас гнула жизнь уроком.

Я жил, как все, спеша,
Чем бьют нас, тем и лечат...
Ну а моя душа
Была из рода певчих.

Когда страдала плоть
До самоотречения,
Душе отвёл Господь
Иное назначенье.

Вбирая боль и страх,
Без охов и без ахов,

Являлась в кратких снах
Душа поющей птахой.

Всё пела, ангел мой,
Всё пела да порхала.
На ниточке живой
Над пропастью держала...

И был мне различим
В напевах неподдельных
Не вседержавный гимн,
А ропот колыбельной...

Прости её, Страна,
Служила да не льстила.
Знать, не тебя она,
Но Родину любила.

Вольна!.. И от людей
Не надо и полушки...
Ишь, как поётся ей
На маковке церквушки!

✱ ✱ ✱

Твои цветы поотцветут...
Желто от листьев в переулках.
И скоро-скоро обретут
Лес — тишину,
Пространство — гулкость;

Когда способна тишина
Речь низвести до междометий,
Когда на жизни всей видна
Мгновенья тень в неброском свете;

Когда иссохнет трын-трава
И не взойдёт, как прежде, снова.
И давят на сердце слова
Всей тяжестью пережитого...

ПРЕДЗИМЬЕ

Так долго и нудно
Всю осень дожди полоскали,
Что верится трудно
Нежданно открывшейся дали.

Как воды покойны,
Что даже не чувствуешь мощи.
Дорогой окольной
Прошел катерок-перевозчик.

Из хаоса смуты
Предзимние выплыли льдины...
В такие минуты
Мы, видно, с природой едины.

А мир необыден,
В нём что-то знакомо и ново.
И кажется — выйдет
На пляж опустелый корова.

И воду со свистом
Потянет под мерные вздохи...
Опавшие листья —
Следы отступившей эпохи.

Такое затишье,
Глубокое до онеменья, —

Когда невозможно
Помыслить о злобе и мести.
Но можно
 неложно
Подумать о долге и чести...

ЧЕРЁМУХА

Брату Алёше

Над сопками и над слияньем рек
Всходило солнце, рассыпая радуги,
И зёрнышком в прозрачной виноградинке
Угадывался в утре человек.

Вот мостиком прошёл он над рекой...
Он что-то нёс: оно белело, пенясь.
Легко сбежал с пригорка,
подбоченясь —
Так неуклюже! — правой рукой.

Он подходил — и смог я различить:
Черёмуху он нёс, по-детски кроток,
Так нежно и с опаской,
словно кто-то
Хотел его с букетом разлучить.

Он в левой нёс. А правая была...
Да у него и не было-то правой:
Рукав пустой был под ремень заправлен...

Ах, как в тот год черёмуха цвела!

С нелепо укороченным плечом
Шёл человек. Он явно волновался.
Он будто открываясь, улыбался
И припадал к черёмухе лицом.

Шёл у домов, охрипших от забот,
Ларёк минуя, голубой, как небо,
Где очередь ждала утрюмо хлеба, —
С черёмухой.

На солнце.

На восход.

И были удивительно легки
Его шаги. И — набекрень фуражка.
И женщина в толпе вздыхала тяжело
И всё глядела вслед из-под руки.

Смотрели дети, вдовы, старики
Так удивлённо, словно бы впервые
За всю войну ликующе живые
Черёмуха

роняла

лепестки.

ТЯНИГУС

Это слово запомнил я памятью ног —
Сколько с матерью мы исходили дорог!
И военных — голодных, плакучих...
Вот бредём — я за нею плетусь, как щенок,
За плечами на лямках

с картошкой мешок,
Это значит, что жить будем лучше.

Километры дорога идёт на подъём.
Мать, меня, бедолагу, жалея:
— Потерпи, — говорит, —
вот тянигус пройдём,
А под горку уже веселее...

А тянигус всё тянется вверх, как змея,
Извиваясь, а ноги не держат...
Он во сне еще будет тиранить меня,
Чтобы завтра держался я твёрже.

Это слово потом, как из жизни второй,
На слова в математике куцей
По законам созвучий взрывалось порой
Средь
тригонометрических функций.

Скажут — «тангенс» —
и сразу — «тяги́гус» всплывёт,
Словно боль сквозь учёную книгу...
Может быть, математика
 примет в расчёт
Эту функцию жизни — тянигус?

П_{РОРОК}

Был тихим мужичком
С угрюминкой во взоре,
И жил себе тишком
В своей избе на взгорье.
И беден, но не наг,
Копался в огороде,
И неприметно так
Существовал в народе...
И я б о нём забыл,
И вы бы не узнали,
Но — гром однажды был,
И молнии сверкали!
И вот — пойми судьбу! —
Из грозного обвала
Как раз в его избу
Вонзило небо жало.
Но вынесли его
И помереть не дали:
Как водится, всего
Землицей закидали,
Чтоб смертный огонь истёк, —
Земля всегда поможет.
И через долгий срок
Он оклемался всё же.
Но

что случилось с ним?

Народ тому дивился:
Молчун и нелюдим,
Он вдруг
разговорился!

И помню до сих пор,
Как странно в слогe чистом
В устах его был вздор
Неотделим от смысла.
И в час, когда война
Вломилась в мирозданье,
Он весь был — как вина,
И весь — как состраданье...

Идёт-бредёт бобыль,
И всем и вся — поклоны...
А как отзывчив был
На горе похоронок!
Бывало, в тот листок
Посмотрит — и со вздохом
Вдруг брякнет в потолок:
«Ишь! Объявился Прохор!»
Грозил:

«ужо, постой!..»

Над горем неутешным,
И уходил с едой,
И оставлял надежду...
Жалел его народ,
И средь беды-разрухи
Глядели ему в рот
Все сельские старухи.
И зван был на порог,
И чтился за пророка:
Пронзил

не зря же Бог

Его небесным током!

ТАК ОНИ И ЖИЛИ...

Какие мне, бывало, снились сны
Военною зимой перед рассветом!
В них таяли на языке конфеты
И мучило предчувствие весны.

Я в них парил над бездной, невесом,
Когда вдруг, сотрясая мирозданье,
Гудок врвался в мир без опозданья —
И чашкой об пол
разбивался сон.

«Вставай, сынок», —
зовёт чуть слышно мать.

«Пора, работник!» —
слышу глас отцовский.

И в полусне тяну к себе спецовку
И покидаю сладкую кровать.

И, окунаясь в новую беду,
Я правлю фронт на карте из картонки.
Лепёшки из мороженой картошки
Суёт мне мама в руки на ходу.

Метель метёт — ни тропок, ни дорог!
К людской цепочке я бреду сквозь темень...
Обрадуюсь, идя в ряду со всеми,
И успокоюсь, запустив станок.

Мы точим мины — фронтовой заказ.
И про себя я начинаю думать:
Прикидываю, сколько может «сдунуть»
Фашистов мой один такой фугас.

Подсчёт меня ужасно веселит!
Насвистываю что-то вдохновенно...
Но — как длинна ты, фронтовая смена!
И гнет она, и плакать не велит.

Но плачу я. В том нет моей вины,
Что щи пусты, а сам я — не двужильный!..
Вот так они, мне помнится,
и жили,
Твои, Россия, малые сыны.

ПОДМОСТКИ

Мой первый токарный станок
Никак не хотел покоряться:
К зажимам
 в мои-то тринадцать
С трудом дотянуться я мог.

И видя, что мал я и квёл,
Завхоз сколотил мне подмости —
И с тем недотёпу-подростка
Во взрослость достойно возвёл...

Война ненасытный обряд
Творила кроваво и слепо.
Ей — вроде насущного хлеба
Сработанный мною снаряд.

Я раньше других уставал,
 Был слабым, за то — не взыщите.
 Но Родине был я защитник,
 Когда на подмостки вставал.

Мне ночь после смены — провал,
Как будто вконец обескровлен...
Но был я
 со временем вровень,
Когда на подмостки вставал.

★ ★ ★

Он ранен был в трудных боях
За город Великие Луки,
А после в родные края
Вернулся уже одноруким.

И вот умывается он —
И машет, и машет култышкой...
Не веря, что это не сон,
За ним наблюдает мальчишка.

Сказал он:
— Раненько ж ты встал!
Дела-то поди умотались...
— Ах, папа! Ты так воевал!..
Чего ж тебе орден не дали?

И горестно стало ему
В сочувствии детской печали,
И вспомнилось поле в дыму...
— Ну, как же! Ну, как же! Вручали...

И вспомнил о бывшей руке,
Которой так недоставало...
— Его я держал в кулаке,
А руку-то, вишь, оторвало...

И мальчик взглянул веселей,
И тут же сконфузился очень.
— Ты, папа, о нём не жалеи!
— А я не жалею, сыночек...

✱ ✱ ✱

Вспоминаю ту беду...
А беда была такая:
Вдруг сгорела мастерская
У посёлка на виду.

Прахом всё пошло, золой.
Крыши нет, остались стены.
И позёмкой — год военный
По-над стылою землёй.

Говорил без лишних слов
С нами начполитотдела:
Дескать, «надо
 дело делать»
И еще, что «фронт ведь ждёт!»

Хоть и мал, беру в расчёт:
Жди, пока накроют кровлю, —
Фронт за это время
 кровью
В ожиданье истечёт...

Под рукой станок поёт,
Он «поел» и сыто дышит...
Хорошо б, конечно, крышу,
А на бедность — допаяк.

По еде затосковал,
Зазевался — и в науку

«Приварил» к металлу руку —
Пальцы с кровью оторвал.

Мастер — ма-астер пожалуйть!
Дал картошину: «Пожуй-ка!»
Греет белый свет «буржуйка»,
Да не в силах отогреть.

Эх, беда и есть беда!..
Вот уж лампой вполнакала
Удивленно засияла
Вега —
 странная звезда.

Может, где-нибудь в окоп
К брату старшему заглянет?
Может быть, на нас
 вегяне
Смотрят в сильный телескоп?..

И смотрю я на звезду..
В пору выплакать обиды,
Да не вправе слабость выдать
У Вселенной на виду.

✱ ✱ ✱

Где-то залпы били
прицельные...
А совсем от войны далеко
Похоронная шла
процессия,
На погост унося рыбаков.

По отцу-океану сродники,
Шли в рыданиях вдов и невест.
И в четыре трубы без роздыха
Скорбно жаловался оркестр.

И в звучанье его безвыходном,
По-рыбацки упрям и суров,
Барабан проступал,
как выхлопы
Уходящих в море судов...

Схоронили их честь по чести:
Пять гробов поставили вместе
И одну им на всех
из жести
Укрепили звезду в головах.

Расходились. Уже смеркалось.
Рыбаки неловко сморкались,
Папироски мяли в зубах.

[illegible]

БЫВАЛЬЩИНА С МОРАЛЬЮ

Помню время — время злое,
Что бедою, как метлою,
По земле родной мело.
Вести горькие из пепла...
И однажды как-то лектор
К нам наведался в село.
И сходиллся люд с охотой:
Может, новенькое что-то
Скажет умный человек.
И одно отметить надо:
Не по времени был гладок
Этот лектор имярек.
Вроде бы
 обыкновенный,
Но какой-то довоенный,
Сел — как пчёлка на цветок.
Говорил как надо, дельно:
Дескать, снова враг
 смертельный
Рвётся дальше на восток.
Говорил: — Не пустим гада!
Перед ним сейчас преградой
Встали все,
 к плечу плечо!..
Нам же виделось: о бедах

Сам-то он
ни в жизнь не ведал,
Никогда и нипочем.
И сказала тётя Настя
(По войне далось ей счастье,
А была — такая статъ!):
— Посылали б лучше тощих!
С тощим всё ж таки попроще
О беде потолковать...
Тут и смех и крик раздался:
— Ты-то где изголодался!..
Оказали, значит, честь.
И скажу вам без утайки:
Не за тем строчил я байку,
Чтобы толстого уесть.
И для жизни,
и для лекций
Хороши любых комплекций
Люди, лекторы, друзья.
Лишь замечу для порядка:
Быть
при всех моментах
гладким
Неприлично и нельзя.

✱ ✱ ✱

Когда от гари
Очищались дали
Под тот победный
Праздничный салют,
Нам Родина
По бронзовой медали
Вручила
За военный тяжкий труд.

«За доблестный...»
Всё выбито, как надо.
Но в грудь свою
С бахвальством не стучи.
Не очень-то и ярок
Блеск награды:
Ведь, почитай,
Весь тыл и получил.

Но в том и смысл
Победы небывалой,
Возвысившей Советскую страну:
Мы победили —
Значит, было мало
Недоблестных
В ту грозную войну.

Последний рубеж

Фронтовому радисту
Наволочкину Н. Д.

Сколько крови в столетье и пота,
Сколько выжжено светлых надежд.
И отходит, редая, пехота
На последний, быть может, рубеж.

Всё снежочком подёрнуто чистым.
Не гулять ей, на тропке скользя.
Только спас бы Всевышний радиста,
Ей, родимой, без связи нельзя.

Пусть погибнет, но только последним,
Чтобы выстукать в звёздную высь
Всем идущим вослед и по следу:
«Мы ушли. Оставляем вам жизнь...»

✱ ✱ ✱

Я бросил на табличку взгляд:
Так мало он на свете пожил!..
Как принял смерть свою солдат —
Нам не дано узнать, но всё же,

Наверно, легче смерть принять,
Когда ты веришь нерушимо,
Что удалось отвоевать
Хотя бы этих три аршина!

$$\mathcal{Y}_{L_E}$$

Мы попутчики.

Мне незнаком

Молчаливый купейный сосед мой.
Он шуршит одиноко газетой,
Человек с бухенвальдским значком.

Оказавшись потом остряком,
Улыбаясь вставными зубами,
Анекдотом меня позабавил
Человек с бухенвальдским значком.

Он смеётся надрывным баском,
От сухого заходится кашля...

А о том —

не проси, не расскажет

Человек с бухенвальдским значком.

Он огонь высекает молчком
И к нему припадает, прищурясь, —
Табакom свою память врачует
Человек с бухенвальдским значком.

Он сошёл на разъезде ночном
(Получилось прощанье банальным...) —
Человечества

совесть больная —

Человек с бухенвальдским значком.

✱ ✱ ✱

Человек седой, огрузлый
На скамейке отдыхал,
А напротив под погрузку
Встал трудяга-самосвал.

И в компании нескучной
Рос невзраченький кленок
И помахивал верхушкой,
Точно хвостиком щенка.

Всё, как видите, в ажуре,
Род занятий не в расчет:
Кто — глаза на солнце жмурит,
Кто — потеет, кто — растёт...

Всё в ажуре, да не очень:
Уезжая, самосвал —
Между прочим —

тот кленочек

Колесом своим примял.

И в моторном шуме-гаме
Стон издало деревцо!..

Человек закрыл руками
Побледневшее лицо.

А потом сидел он, кроток,
И, не поднимая век,
Может — так,

а может, что-то
Вспомнил старый человек.

✱ ✱ ✱

Вы правы. Я, конечно, старомоден
Тем и живу, чем раньше дорожил.
Но я таким был времени угоден,
Не вороном, но ласточкой кружил.

У времени крутого под стрехою
Лепить пытался гнёзда, но обвал
Их разрушал,
и ветер непокая
Из всех щелей на стужу выдувал.

Знать, жил не так,
чтоб строчкой вам потрафить,
Как поп в расстриг, от вас я ухожу.
Займусь-ка сочиненьем эпитафий —
Не вам, но, может, Богу угожу.

* * *

Мне так сказал знакомый русовед:
— Ты Слово принял — знай же наперёд,
Что в языке без корня
 слова нет,
А всякий корень — он без почвы мёртв.

Наверно, прав учёный мой русист,
Вот снова строчка за строкой легла...
Потяжелел в работе белый лист,
Не оттого ль, что почва тяжела?

Ведь в ней насквозь — страдание и пот.
А в ней, пустынной,
уж который год
Отец и мать, избывшие вину,
И брат-солдат, осиливший войну...

Я эту «почву» в сердце уберёг,
Словарь мой честен,
потому и строг.
Когда ж меня взыскует Божий Суд,
Пусть незабудки к свету прорастут...

$$\mathcal{B}$$

Был мир первозданно распахнут,
И солнце купалось в пруду,
Крестьянами в новых рубашках
Стояли соборы в кругу.

Богатые с нищими равны,
И слова не слышно в укор.
Бесшапочный люд
православный
Шёл в Троицкий древний собор.

Священник там
Словом Господним
За что-то народы прощал,
Смиренно и богоугодно
Миряне тянулись к мощам.

Звучал торжествующе строен
В сердца проникающий стих...
Каким-то глухим непокоем
Туманились очи святых.

Святой вот — а словно бы ратный,
Защитник Россеюшки всей.

Совсем не архангел,
а брат мой,
Земной человек Алексей.

Вот мать, по обличию — божья,
А я пригвождённо стою,
Вдруг вспомнив с душевною дрожью
Усталую маму свою...

Как будто бы, в стылых столетях
Оконце едва продышав,
Открылась в мерцающем свете
Родная по крови душа.

*Выпускникам 1950 года
Комсомольского-на-Амуре
судостроительного техникума*

Этот
 послевоенный набор:
Токарёк с «семилеткой»
И при всех орденах
С ним рядочком
Комвзвода разведки —
И сжимает он ручку
Чернильную,
Как парабеллум,
Перед бруствером грозным
Наук корабельных.

Храм науки...
Вернее же — цех, а не храм.
Беспощадным звонком
Он жестоко будил по утрам
Нас,
 смертельно измученных
Гонкой авралов ночных
На подряде у станции
Возле вагонов мучных.

Но отроду был город —
Словно бы справедливость сама:
Никогда,
 никому,
 ничего
Не давал задарма!

Не сюда ли в отчаянье
Ухожу я от новой беды?
И прохватит нежданно
Неистовый ветер сквозной!

И увижу себя вновь бегущим
Туда,
к проходной.

Средь солидно идущих,
И вправду, сейчас, как птенец,
Я мечусь, тороплюсь —
Не измёрзнуть чтобы вконец!
В парусиновых туфельках,
Стеганка под пояском —
Я бегу, набавляя,
Мне только и можно — бегом!
Я влечу в проходную,
К батарее прильну хоть на миг...

Лишь на миг — он достанет
До «птичьего» сердца, как вскрик!

Жёсткой памятью тела
Он будет меня доставать,
Чтоб не смел в круговерти
Друзей дорогих забывать,
Он достанет меня —
И прибавится
сердцу тепла...

Он достанет ещё,
Как запавшую вену — игла...

А ВДРУГ...

Я прожил жизнь. Я не двужилен.
Хочу, как на краю земли,
Чтоб вы бы
 по-другому жили,
Детишек бы уберегли!

Уберегите их от смуты,
Когда народ живет вразброд...
А вдруг —
 с минуты на минуту —
Падёт на землю чёрный год?

Где у тарелки говорящей
Ждём снова правды настоящей,
И усомниться не моги.
Все эти маршалы, наркомы,
Так почитаемо знакомы,
Они враги, враги, враги!..

А вдруг —
 «Вставай, страна огромная...»
В беде откликнется ль на зов
Восстать стеной пред «силой тёмною»
Страна господ и братанов?..

Пусть грязь сойдёт водою талой.
Средь гнусных игрищ и затей
Политиков и криминала
Уберегите же детей!

И пусть не верят просто на слово
Авторитетам и вождям,
А только честному и ласковому:
Цветам, и птицам, и дождям...

БЕССОННИЦА С МЫШАМИ и «МАЯКОМ»

Здесь, под горушкой Стародубкой,
Что в кровь истерзана порубкой,
Моя избушка — словно дзот...
И — ночь. И тишь.

А мне не спится.

Дамышь-полёвка половицу
С остервенением грызёт.

И душно.

На ночь в поздний вечер
Не возжигало небо свечи
И никли мертвенно кусты...
Неужто это от погоды
Так мучит чувство несвободы
Меня и ночь — до немоты?

Мне объяснили: это возраст.
На многоточье

сходит возглас,
И жизни всей — глоток до дна...

(А этамышь — как заводная!
Она, наверно, молодая,
И мстительна, и голодна...)

Вот этимышь привязались!..
А может, душу гложет зависть

До ломоты в твоей башке
К ним, к ним — летающим,
парящим,
Почти по-птичьи говорящим
На скорости, на сквозняке?!

(А что сейчас на «Маяке»?..)

Как рвутся к правде!
Бога ради!
Я знал её при всем параде,
Она — победна,
чем и живы.
Она, забита, но двужильна,
Там,
в лагерях со спецрежимом,
Оплакивала меня...

(А не возжечь ли мне огня?..)

Я из другого поколения.
Мы тоже ведали
парень!
На привязи. Не улететь...
А вам — ровесникам излома,

А над горами громыхнуло,
И в дверь прохладой потянуло —
Вот-вот обрушится гроза.
Я выйду в ночь — и успокоюсь,
Водой колодезной умоюсь,
Незамутнённой, как слеза...

✱ ✱ ✱

Нет, я не каюсь,
я не каюсь,
Что жизнь порой негладко шла,
Что шел, бывало, спотыкаясь,
Что плыл, бывало, без весла.

И те несправедные тропы,
Где задыхаешься, сипя,
Стекают, словно речки, в опыт
(Добавлю — «горький», для себя).

Я в мире жил — а был он зыбок,
Он сотрясался от пальбы...
Быть может,
горечью ошибок
Скрепляется замес судьбы?..

*В*ТО ЛЕТО...

Памяти Н.И. Мамина

В то лето, такое дождливое,
Что я на глазах раскисал,
Какие же письма счастливые
Мне с Севера друг писал!

Как будто приветы от ангела,
Голубенькие насквозь.
А жил он на острове Врангеля,
Где быть мне не довелось.

Там тундра мягка, как бархотка,
Там правит судьбой азарт,
И вместо людской барахолки —
Роскошный птичий базар.

Устав от трудов и памяти,
У кромки, где спят моржи,
Дрыхни,
на бивень мамонта
Голову положив.

И снова — и льды, и тундра,
Прекрасная без прикрас...
Ах, как ему, видно, трудно
Жить было среди нас!

Заложник

тридцать седьмого,
Он не вписался в круг.
И жил он вполне рисково,
И письма иссякли вдруг...

Где-то над льдами паковыми
Чайка его кружит...
А я его

не оплакиваю,
Он был золотой мужик.

Тоскуя оленем по ягелю,
Я тоже вот, может стать,
Уеду
на остров Врангеля,
Буду моржей считать...

И поседею от ветров
Со временем в ладу
И по совету докторов
Подпорку заведу.

Коль жил вразброс,
в дуду трубя,
Теперь умей терпеть.
Для новых «подвигов» себя
Уже не разогреть.

Но только в душу —
 в скорбный дом
Я стужу не пушу.
Ещё в ней живы все,
 о ком
Печалюсь и грущу.

Ведь в ней прописаны друзья —
Звучит высокий стих!
И водку пьют.
Покуда я
Оплакиваю их.

И уходя в преддверье дня,
 Теряясь в толще лет,
 Всё застыт, застыт от меня
 Потусторонний свет...

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

*Дождик, дождик, перестань!
Мы поедem в Наристань
Богу молиться,
Тебе поклониться...*

Детская закличка

Друг собрался срубить себе баньку,
Между делом плывёт разговор.
Он совсем не настроен на байки,
Судит власть за всеобщий разор.

Прокурор! Что ни скажет — отрежет.
Я прошу его: — Ты не трынди.
Вот скажи, почему же всё реже
По России слепые дожди?..

Вон и тучка проходит над нами,
Да не тучка — сухая кудель.
Кисеёю скользнёт над полями...
А как весело было досель!

Тучку с ручкою ангел-проказник,
Словно таз, накренил на ребро —
И живое с утехой праздной
В доли выплеснет серебро.

Ах, как хлынет пресветлое диво!
— Вспомни, чтоб языком не молоть,
Как, промокнув, молодки счастливо
Обжимают греховную плоть.

Комара припечатав на плечи,
Досказал, поднимаясь с брусков:
— Дождь слепой — пусть слепых и утешит.
А зачем утешать дураков?

ПРАЗДНЫЕ МЫСЛИ

Шёл по бульвару
Совсем молодой старичок —
Розовый весь,
Очевидно, от пяток до щёк.
Кустикам кланялся,
Птичкам подмигивал весело...
В детство ли впал
Или в фазу вступил
Равновесия?..
Чем не картина
Почти на библейскую тему!
Праведник вышел,
Гуляет по саду Эдема.
Только художнику надо
Для схожести вящей
Вымарать бомжа
Да вот ещё — мусорный ящик...
Боже, прости, что я все —
О притче святой.
Может, в дому у него
Унитаз золотой?..
Может быть, всё удавалось
Ему, а не мне:
Он — «аки посуху»,
Мне — босиком по стерне.

Может, он не был в друзьях никому,
Но и не был врагом,
Уравновесивший Зло,
как ни странно,

С Добром?
Уравновесил...
Но в травке кузнечик-сверчок
Из несогласия, видно,
Запрытал под полу смычок.
Не потому ли и бабочка
В утренней свежести
Резко отпрянула от старичка,
Как от нежити?..

Чёрную тайну открою
Средь белого дня:
Во временах, на крови и неправде
Замешенных,
Уравновешенный самый —
Это повешенный,
И обстоятельство это смущает меня.

✱ ✱ ✱

Ах, как пополнели вы, похорошели!
Вот узнать бы — на каких харчах?
И с такой отменно прочной шеей
Голове покойно на плечах.

Можно за неё не беспокоиться,
Я за вас, конечно, очень рад.
Вы и раньше-то, насколько помнится,
Не умели голову терять...

ОБНОВА

Столкнулись на улочке,
к рынку

Сбегающей вниз под откос.

Он бойко шагал и ботинки

Под мышкою бережно нёс.

Навстречу улыбкой светился,

Довольный судьбой по всему.

— Вот видишь, брат, прибрахлился!

И я улыбнулся ему.

— Зашёл тут к богатым ребятам,

И вот, — говорит, — подобрал.

И я засмеялся: — А я-то

Подумал: неужто украл?

Он с грустью:

— Поношены малость, —

Царапая скос каблука...

И я подавил в себе жалость:

— Зато, брат, подошва крепка!

И он приосанился браво:

Мол, видишь — живу — не тужу.

— Вот жмёт, брат, немножечко правый...
Но я-то его разношу!

А время катилось под осень,
И твёрдо при пасмурном дне:
— Конечно, дружище, разносишь! —
Я с ним согласился вполне.

ТУСОВКА

То с бабочкой поэт,
Вальяжный, как Гораций.
А вслед — певичка в свет
Порхнёт из декораций.

И микрофончик свой
Суёт ну прямо в ротик,
И страшно мне порой:
А вдруг его проглотит?

За ней — политик-бес,
Затем — тусовка кстати,
По поводу иль без,
Но — самобранка-скатерть!

Поминки ли по ком?..
И, подбирая крохи,
Поэты косяком
Уходят в скоморохи...

За то, Господь, прости,
Что, словно подлечиться,

Так хочется уйти
И даже опуститься.

И на стезе совков
Прибиться бы прикольно
К тусовке мужиков
С носами в цвет свекольный.

Где каждый пить и есть
Что может, то и тащит...
Но и у них же есть —
А как же! — телеящик.

И смотрят, как и мы,
Те, кто в миру опасен.
И пир среди чумы
Отсюда так прекрасен!

А то откуда б знать,
Без этой «телетары»,
Что надо запивать
Сухим вином омары?..

✱ ✱ ✱

Дочери Даше

Коль музыка юному чаду
Сердчишко всерьёз бередит,
То значит — и стоит, и надо
Нырять с головою в кредит.

Даёшь пианино! Играй-ка
Средь ночи и белого дня!
И вспомнилось, как балалайка
Учила искусству меня.

Особой игрой не сверкал я,
Способностей Бог не ссудил.
«По диким степям Забайкалья...»
Я всё же на ней выводил.

Невесть что, а все же музыка!
Бренчишь себе на ветерке...
Хотя и немногоязыка,
Зато — на родном языке.

И пусть инструмент немудрящий,
Но сердце покорно замрёт,
Когда он светло и щемяще
«Про родину что-то поёт».

Напомнит игрой безыскусной
Всё то, что успели забыть,
Уча нас большому искусству
Родимую землю любить.

ПЕРЕД ЗАУТРЕНЕЙ

Заря угрюмых стен собора
Коснулась, благостно светла,
Сквозь накипь росную узора
Враз залучились купола.

И осиянно, благолепно
Кресты тянулись к небесам,
И в потайную дверь к молебну
Прошёл архиепископ сам.

Всяк к богу со своей нуждишкой,
Шёл люд к молитве, не строптив...
Какой-то тихий мужичишка
Стоял собора супротив.

Он, взглядом меря колокольню,
Застыл, шапчонку теребя.
Какою думой в час покойный
Терзал он
тёмного себя.

О чём он думал, встав поодаль, —
И богу то не разгадать.
Про разорительную подать?
Или про божью благодать?

О том ли, что с такой-то кручи —
Уж тут была иль не была! —
Вельми испробовать сподручно
Утайно сделаны крыла.

ПЕРЕВАЛ

Г. Граубину

Стой, шофёр — лихач бывалый,
Не смейся народ честной!..
Перед самым перевалом
Пункт
контрольно-пропускной.

Техосмотр.
Глотая ропот,
Чёрта руганью не зли:
Самолично этот штопор
Им закручен в глубь земли.

По его крутой спирали
Заползаем в облака.
Тормоза бы вдруг не сдали
Да не дрогнула б рука!

На последнем напряженье
Нестерпим моторный вой.
Дьявольское искушение —
С маху в пропасть головой!

...Сник подъём на повороте,
Ну теперь полегче — спуск.
Только в сердце побороть бы
Дикой скорости искус!

Да ещё — держи педали!
Разнесёт наверняка! —
Тормоза бы вдруг не сдали
Да не дрогнула б рука...

Всё. Спустились.
Дальше — скатерть,
Можно ехать налегке...
Что-то прыгает некстати
Папиросочка в руке.

Что так едешь, словно тропкой,
Неторопко, не спеша?
Знать, товарищ мой неробкий,
Не пришла в себя душа.

Мы ещё с тобою в силе,
И в глазах ещё — гроза!
Только б нас не подводили
Сердце, руки, тормоза.

ПЕРЕДЕЛКИНО 1976 ГОДА

О, мой собрат!

Земляк по дали дальней,
С печатью на челе провинциальной,
В столицу отмахавший тыщу вёрст!
Ты, выбравшись в столицу в кои веки,
— Ау! — кричишь. — Где люди-человеки?!
Я здесь... Вчера... Я вам стихи привёз!

Прописан номинально в Переделкино,
Ты днями в колесе вертишься белкою:
Издательства, журналы, адреса...
— Иван Кузьмич! Меня вы не забыли?..
— Кузьма Иваныч! Вы ж меня любили!..
По проводам несутся голоса.

Всё правильно, и я пойму собрата.
Столица, может, в том и виновата,
Что, как сказал поэт, одна ж на всех.
— Тем более! — Меня отправят «к маме»,
Работая плечами и локтями...
И, слава богу, сам я не из тех.

И вот скажу: но всё-таки, но всё же
Есть нечто, что изданий всех дороже,
И честь, и гордость — выше всех приплат.
А что до споров: кто кого талантливей —
Талант всегда ведь сам себе —

гарантия,

На чувстве правды держится талант.

На чувстве дня, его накатных ритмов:
Пройдёт волна, оставив, словно рифы,
Фундаменты домов, плотин, судьбы...
Пусть суетятся, пусть.

А мне не надо.

Я просто выйду утром за ограду
В пространство, что, как жизнь,
без городьбы.

Оно не оккупировано дачами.
Там над водой печально ива плачется
Под искренние птичьи голоса.
И сосны переделкинские строго
Уходят ввысь —

у них одна дорога,

И выше сосен только небеса.

Какая мощь в стволах их колоннадных!
Они дарят мне хвойный дух отрадный,
Меж ними птичкой — дикий самолёт...
А я войду

в такой родной подлесок —

И затеряюсь для людей и прессы,
И суета от сердца отойдёт.

✱ ✱ ✱

Мы как навалимся —
Попробуй,
Пойди отбейся —
Чёрта с два!
Тут эрудиция —
Как обух,
И как пощёчины — слова.
Бьём в щит врага:
Держись, неверный!
Нас свора:
— Бей его, чтоб — с ног!..
Того не видим:
Щит — фанерный,
А сам «неверный» —
Одинок.
Мы после будем виновато
Чесать затылки:
Как же... Вдруг?..
Когда в обломки щит и латы.
Когда протянет ноги
Друг!

✱ ✱ ✱

Друг о друге — так, обмолвки:
Где он? Как он? — между дел...
Он стоял на остановке
И в кармане руки грел.

Он автобус ждал послушно,
Серый шарфик, как флажок,
Заострённую макушку
Грела шапка-пирожок.

— Здравствуй!
— Ты ли? Вот так встреча!..
Неужели это он?
Тот был весел и беспечен,
Этот — словно с похорон.

Жил он всяко — всласть и юзом,
То удача, то — впросак.
И захаживала Муза
(Всё же баба, как-никак...)

Муза — что? Борща не сварит,
В питание — ни боже мой!
С ней, такой, сподручно в паре
Только по миру с сумой...

Пальтецо на нём свисало,
Поднят край воротника...
Ишь как время обсосало
От подошв до кадыка!

Может, вправду, в этой дури
Тот и счастлив, кто бескрыл?..
Говорит: — Давай покурим.
Я свои-то раскурил...

✱ ✱ ✱

Памяти Геннадия Козлова

Он читал мне стихи у столба,
Бредил славой, а это опасно!
Вдруг на взлёте злодейка-судьба
Снарядит к тебе Аннушку с маслом?..

Вечерело. Над пышным кустом
Проскрипела шальная сорока...
Вот он в сумраке тонет густом,
Словно в водах забвенья. До срока.

Это нам суждено по всему,
И за это судьбу не корите...
Дай, эпоха, хотя бы ему
Зацепиться в твоём алфавите.

✱ ✱ ✱

В поэзию пошёл
Новатор густо.
Что ни строка —
Всё ново, всё — впервой.
Но почему-то, седовласый,
Грустно
Покачивает мастер головой.

Он шёл всю жизнь
Крестьянином за плугом,
За ним ещё парится борозда.
Они ж, играя, мчатся
Росным лугом:
Роса спадёт
И в травах — ни следа...

Из «ЗЕЙСКОГО ДНЕВНИКА»

I. ПЕРЕКРЫТИЕ

13 октября 1972 года, река Зея.

Как дорог мне и люб до гроба
Тот дух,
Тот вызов удалой
В труде,
В страде,
В беде любой, —
Тот горделивый жар особый,
Что — бить, — так бей,
А петь, — так пой!..
А. Твардовский. «За далью — даль»

Было всё, как по заказу:
Даль, насквозь открыта глазу,
Голубое с молоком.
Свет неярк и рассеян,
И потягивало с Зеи
Тем, предзимним холодком.

И с утра вдоль Зеи, к створу,
Шумно, празднично и споро
Тёк и тёк поток живой:
Прихватив сынов и дочек,
Шел монтажник и бетонщик —
Гордый люд мастеровой.

Мастера... Народ неброский,
Но одеты не без лоска —
Что ботинки, что пиджак...
Но средь них иной зевака

По одежке — одинаков,
А присмотришься — чужак.

Парень вот — и тих, и вежлив,
Но типично неприезжий
По особой стати той,
Как идёт вразвалку, сочно —
Словно пробует на прочность
Эту землю под ногой!

Разбираться начинаю:
Ведь земля-то — насыпная!
Он — уже который год! —
Намывал её, родную,
На ветру на стылом днюя
И ночуя, коль прижмёт.

И, смиряя зейский норов,
Для себя намыл опору
Он с запасом лет на сто!
Был бы ты умён и кряжист —
Жизнь ещё навалит тяжесть —
Упереться бы во что!..

Со штабной высокой башни
Открывался день вчерашний:
Котлован, быки, мосток.
С двух сторон застыли плёсы,
И в проране безголосо
Бился бешеный поток.

Натянулось время тонко,
И капризного ребенка
Уговаривала мать:
— Ну, не плачь!
Ведь ты мужчина!
Подожди, сейчас машины
Будут камушки кидать...

«Приступить!» — из штаба тут же —
Угодить мальчонке нужно? —
Хрипло брошен был приказ.
Весь в плакатах, тих и кроток,
Взвыл на полных оборотах
У прорана первый КрАЗ!

С полной выкладкою, ладно
Развернулся чуть парадно
И пошёл на Зею задним
(Зея, ты не обессудь!)
И на самом на откосе
Поднатужился — и сбросил
Глыбу в гибельную муть.

Брызги веером взметнуло,
Словно глыба та замкнула
В жёлтой глубине провода.
И откликнулся — под током! —
Берег весь единым вздохом,
И в разгар пошла страда.

А толпа поднапирала —
Под колёса самосвалов! —
Любопытно — хоть убей!
И выкрикивал над нами
Хриплым голосом динамик:
«Уберите же людей!»

А в сторонке, на припёке,
Под стернёю рыжей щёки,
Под шапчонкой волос бел —
Дед стоял, напружив выю,
И на все дела мирские
Немигаючи глядел.

Он о чём, сутулый, тощий,
Потрясённый этой мощью,
Думал, зейский старожил?
Разобраться ли пытался?
Или с чем-то расставался,
Чем так трудно дорожил?..

Продолжалось перекрыть
В ритме строгом, чтоб — без прыти,
Неуклонно дело шло
Хоть поток ещё был грозен
И заносчивый бульдозер
Отломил свое крыло...

Как вас бьют и учат реки,
Люди, люди — человеки!

Чтобы всё — наверняка!
Словно б так и было сроду:
Вы — энергию народу,
Вам энергию — река.

Вон начальник стройки Шохин
Средь порожистой эпохи —
Как река на быстрине!
Весел взгляд, а шаг широкий,
Ритм отмахивает стройке
(А быть может, и стране?)

Возле деда-старожила
Он прикрикнул без нажима:
— Ну-ка, дед, поберегись!..
Тот угрюм, но глянул шало:
Сдал всего-то на полшага
(А быть может, и на жизнь?..)

Здесь, на матушке на Зее,
Он охотился и сеял
Он — хозяин, мы — в гостях.
Кожей, сорванной с затылка,
Сердцем выстуженным пылко,
Болью в ломаных костях —
Помнит он её, паскуду,
Ей, владычице, подсудный,
Ну а жизнь-то — в обрез
Нынче ж, вот тебе — плотина!

Значит, крест на все стремнины
(И на молодости — крест?..)

Но пока мы — суть да дело,
Рать машинная гремела
В брызгах, копоты, в пыли,
Хоть не так уже и браво
Бригадиры — левый с правым —
Эту рать вперёд вели.

Но уже в людском заторе
Теле-,
 фоторепортёры
С помощью локтей и плеч
Пробивались ближе, к кромке,
Чтобы, выбрав точку съёмки,
Всё, как есть, запечатлеть.

Выбрать «точку» — вот загвоздка!
Чтобы правда вся, без лоска,
А за ней — зари полоска...
Перспектива чтоб видна!
И подумалось с обидой
Мне о грешных нас, кто видит
Жизнь всё больше из окна.

Тишь да гладь, к тому ж тверёзый,
И конечно, музы, грёзы
Не обходят и его:

Даль... Мужик... Петух на прясле...
Ерунда на постном масле...
Впрочем, мало ли чего!

А сквозь этот мощный рокот
Кто услышит райпророка,
Твой писклявый голосок?
Докричится, может, Муза,
Ну, до местного Союза
И — в песок.

И в песок да с тем и канет...
Но уже «последний» камень,
Как резерв, вводили в бой.
В тишине, столь непривычной,
С ним отъехал к перемычке
Самосвал передовой.

Исторически торжествен,
Бригадир широким жестом
Камню место указал.
И скользнул он вниз покато,
Сверху — плюх!
И дело свято
Чтоб потом — на пьедестал!

IV. *P*.S.

Мой критик, мой родной!
Приятель мой и душка!
Опять ты надо мной
Всё с той же колотушкой.

Чем омрачён, пастух,
Чей слух свирельно тонок?
Вновь резануло слух
Шипенье шестерёнок?

Опять: «Иди учись,
Не выражайся грубо...»
А может быть, мне жизнь
Повыкрошила зубы?

Опять: «Зачем, болван,
Пренебрегаешь высью?
Спустился в котлован...
С какою глупой мыслью?»

Родимый, не бледней!
Сквозь грохот, гвалт и скрежет
Отсюда мне видней,
Как птица небо держит...

Побродим (рад помочь)
Средь чащи арматурной.
Смотри, какая мощь!
Как это всё культурно!

Всё остальное ложь...
А это же прелестно,
Когда на «Как живёшь?»
В ответ кричат: «Железно!»

«А что здесь для души?» —
Брюзжит душеприказчик.
Ты не сиди в тиши,
А приходи почаще...

VIII. *Н*А ВОДОХРАНИЛИЩЕ
Пробный выезд

Нас вверх по Зее уносил проворно
На крылышках подводных теплоход,
И странно было видеть, как упорно
Плотина погружалась в толщу вод.

Лети себе легко и безрассудно!
А там, за поворотом, впереди
Такая даль угадывалась смутно,
Что холодок покалывал в груди.

Но, возбуждённый безрассудства хмелем,
Опасным ускорением крови,
Я всё ж заметил: явно погрустнели
Весёлые попутчики мои.

А тут из местных мужичок дотошный,
Что погрузился чуть навеселе,
Вздохнул, скорбя:

— Утопла Филимошка...

А я, брат, свадьбу справил в том селе...

«Ракета» встала, видно, для починки,
В топяк плывущий в прыти молодой,
И лиственниц-утопленниц

вершинки

Качались обречённо над водой.

И стало тихо. И печаль сквозная
Текла с небес на рукотворный плёс
А тут над ухом:

— Красота какая!.. —

Вдруг кто-то восхищённо произнёс,

Я вздрогнул и откликнулся: — Не жалко?
И на воде его качнулась тень.
— А мне-то что?

Ни холодно, ни жарко...

И вправду был такой покойный день.

В такие дни незнобкие под осень
Покойников способно хоронить...
Не оживить, когда под корень скосит,
Чего нельзя, того не сохранить.

Понятно всё, но я не из бетона,
Чтоб на дороге памяти лежать
Запрудю.

Я не могу без стона

Родимых в путь последний провожать!

Как долго же листвянка, так щемяще
Махала вслед нам, виделась пока, —
Как матери, навеки уходящей,
В напутствие

прощальная рука...

XI. ПЕРВЕНЕЦ

Словно бы по отсчёту кукушки,
По заказу, в назначенный срок,
Вдруг взошёл на бетонной опушке
В красной шапочке этот грибок.

Как там люди усердно хлопочут!
И заботой людскою храним,
Что-то он, несмышлёныш, лопочет,
Только им и понятно одним.

Ну а мне из мороки житейской
Даже как-то представить невмочь,
Что в себе этот первенец зейский
Затаил богатырскую мощь.

И взойдя под руками рабочих,
Что и ласковы так, и сильны,
Вон — смотрите! — зажёг огонёчек,
Что замечен на карте страны...

Он работал легко и усердно.
Всё же,
сквозь микропору подошв,
Достигая не разума — сердца,
Пробивалась неясная дрожь.

Словно там,
 под бетонным покровом,
Через некую главную ось
Ускоренье вращения земного
От ремней приводных началось.

Ускорение жизни воочию
От магнитного поля мечты!
Ведь не зря
 «положительный» очень
Греет сердце заряд доброты.

Не с того ль
 в эти гулкие будни
Благодарно — средь зимнего дня! —
В десять веточек
 зейский багульник
Вдруг расцвёл на столе у меня.

хп. КОНЦЕРТ

Гудел агрегат под нагрузкой
С другими в стране в камертон.
А в клубе по случаю «пуска»
Веселье входило
в разгон.

А в клубе сошлись, разоде́ты,
Работники всех отраслей.
И жены.
А также и дети —
А как обойтись без детей?!

Ах, праздник — для сердца подарок,
Светло окрыляющий нас!
В волнение электрогитара
Срывалась всё
в электротранс.

А то барабан вдруг стаккато
Взрывался, забывшись в игре,
Как будто вся мощь агрегата
В его клочкотала нутре.

Но вышла на сцену певица —
А голос пронзительно тих —
Соседке моей, крановщице,
Поведать о бедах своих.

А следом и мастер пародий,
И тут же за ним — плясуны...
Хохочет бетонщик напротив,
Хохочут его пацаны.

Давай, мол! Ладоней избитых
В награду не жалко ничуть!
Не жалко, коль в сердце избыток
Внезапно открывшихся чувств...

Искусство сквозь чащу коллизий
Житейских
 способно промять
Тропинку, чтоб запросто сблизить
И в возрасте нас уравнивать,

Здесь клуб не для сборов подушных!
И, видно, большой жизнелюб
Значительно так и нескучно —
«Ровесник» — назвал этот клуб.

XVI. * * *

Освободиться бы от укоризны...
Бабочкой
 на рукаве Тукурингры*
Спит городок.
Бредит плотина порывом высоким —
Бредит она
 электрическим током
В створе дорог.

Ток — это свет, это жизнь, дорогая!
Но проступает плотина другая:
Мы, как рабы
Мелочных дрязг,
 так нелепо упрямо
«Строим» её из житейского хлама
В створе судьбы.

Ниже плотины — река обмелела,
Ниже плотины — любовь отболела...
И умерла?
Выше плотины — морская безбрежность,
Выше плотины — скорбящая нежность...
Не помогла.

Кто нам подскажет, какое решение?
Жить, уповаючи на воскрешенье,
Или ко дну?

* Название горного хребта

Веровать в то, что всегда неизменно,
Зная,
Что как это несовременно
Быть на луну?

Надо же было случиться такому.
Надо же было к чему-то простому
Чувства питать!
Мы же питали к тому, что летает,
А оказалось —
То воронов стая...
Что ж тут роптать.

Звёзды колышутся
В медленной Зее:
Кто-то надеждою поле засеял —
Вдруг уродит?
А надо мной,
Над вершинами сопок,
Весело путая все гороскопы,
Спутник летит!

Что ж, загадаю на спутник летящий!
Что, непутёвому, может быть слаще
Зова светил?!

Вон на ладони пространства земного
Линию жизни легко и рисковно
Он прочертил...

ПЕРЕКУР

Надоел раздражающий пот,
Наработались всласть и толково.
И кучкуется в цехе народ —
Подымить, переброситься словом.

А о чём разговор?
Да о том,
Что хлеба нынче — на удивленье,
За грибками б собратья гуртом,
И к тому ж — о секретах соленья.

Так текла бы себе и текла,
Словно тихая речка, беседа...
Поднялись.

От людского тепла
Отпотела поверхность торпеды...

СВАРЩИК

Он покурил, воды напился
И вот, утёршись рукавом,
С волшебной палочкой склонился
Над металлическим листом.

Уже не медля ни мгновенья,
Лицо забралом заслоня,
Магическим
прикосновеньем
Он смело вызвал дух огня,

И вмиг, его послушны воле,
Как вспышке гения — века,
Сполохи синие вспороли
Железный сумрак потолка.

И там, средь балочных сплетений,
В их глубине глухонемой
Вороньей стаей бились тени,
Когда схлестнулись свет со тьмой.

А он, окутан дымным жаром,
Всё так же голову склонял,

И два листа,
 как две державы,
Вокруг огня объединял.

И весь — во власти вдохновенья,
Он глух был ко всему извне.
И прометеевскою тенью
Сам
 отражался на стене.

МЕХАНИК

Я.П. Сурнину

Когда сбивают поршни споро
Густое масло день и ночь,
И он не прочь за разговором
Водицу в ступе потолочь.

На палубе, на жёсткой банке,
Плечами дружескими сжат,
Травить механик станет байку
Для устрашенья салажат.

Но — смолкнет он на полдороге,
Когда, веселью вопреки,
Вдруг
 дуновение тревоги
В глазах задует огоньки,

И враз — прорежутся морщины
И отрешённым станет взгляд.
«Механик слушает машину», —
Кому-то тихо пояснят.

Механик слушает машину...
Как бы ступая по следам,
Тяжёлых звуков мешанину
Он разбирает по складам.

В её звучании привычном,
Как бы ни пряталась беда, —
Он различит
 косноязычье
Вдруг ослабевшего болта.

Машину слушает механик...
Так каждый миг настороже,
Он, словно и не отдыхает, —
Обеспокоенность в душе.

Ещё потрянёт он анекдотцем,
Всю палубу развеселя!
Но дайте выслушать,
 как бьётся
Как бьётся сердце корабля.

✱ ✱ ✱

Какое веселье, бывало,
Звенело под сенью лесов,
Когда к пристаням прибывало
Измотанных морем ловцов!

Ловцы в окружении свиты
С утра — под привольную сень...
Заходятся птицы от свиста,
А моря не слышно совсем.

А моря не слышно, не видно,
Дай бог ему, чёрту, сгореть!
И ластятся жёны бесстыдно,
Да нам не пристало глазеть.

И кружкам, бунтующим мутно,
Легко в захмелевших руках!
Плывёт разговор сухопутный,
Как солнышко в синь-облаках.

Но, словно бы волны у мола,
Шумит растревоженно бор —
И снова вторгается море
В неспешный мужской разговор:

Одних — ну чуть-чуть не разбило
О скалы у Бычьего лба,

Другого — так с палубы смыло!
Такая идет похвальба.

А бондарь, кривой и припухлый,
От зелья хмельного сердит,
— Без бочки-то рыба протухнет,
Протухнет! — упрямо твердит...

Он выстрадан,
 час этот праздный,
В погоне за гиблой волной.
И слышится где-то:
 — На-прасно
Старушка ждёт сына домой...

★ ★ ★

Любите простые ремёсла!
Рубанок бери не спеша,
Почуяв, что явно примёрзла
К невидимой тверди душа.

И коль тебе некуда деться
С твоей мировой тоской,
То значит, пора разогреться,
Трудясь над кривою доской.

Пусть будет тоска тебе — пристань
Для малых, несуетных дел,
Что, в бытность свою оптимистом,
К душе подпускать не хотел.

Быть может, и мысли простые
Придут за простым ремеслом:
Мол, сам я себе опостылел,
Но только — не рано ль на слом?

И может, под говор долотца
Тебе, нарушая запрет,
То самое вдруг отзовётся,
Чему и названия нет?

И в ночь, засыпая со всхлипом,
В делах непривычных разбит,
Ты вздрогнешь от дальнего скрипа:
Не ось ли земная скрипит?

СНИЛСЯ СОН

Снился сон — какой не помню.
Только помню — снился сон...
Утром было нелегко мне
Набирать дневной разгон.

И в груди слегка щемило,
Словно в чём-то виноват...
Это чем же пахнет мыло
С парфюмерией не в лад?

Так знаком мне этот запах,
С мягкой горечью, грибной.
Он полдня на мягких лапах
Так и шествовал за мной.

Сон не помнить — как ужасно!
Сколько смысла в вещих снах!..
Стой!

Так это ж пахнет маслом,
Маслом, сбитым в шестернях!

И, на миг лишь озадачен,
Догадался я вполне:
Этот запах не иначе,
Как из сна пришёл ко мне.

Точно. Вспомнил: снилось детство,
Снилась давняя весна —
Детство,
 что в жестоком действе
Напрочь срезала война.

И под той пилой на срезе
Выступил,
 как пот на лбу,
Сок, питающий железо.
Да, железо. И — судьбу.

Вот завершается круговорот,
Эхо аукнет гусиному клину...
Отплодоносил мой сад-огород,
Вырезать надо сухую малину.

Только природе не введома ложь.
Гуси печалются, вдаль улета...
Отплодоносила —
 значит, под нож...
Ишь как окрепла лоза молодая.

Любо весною глядеть будет мне,
Как она к небу высокому прянет!
Нынче ж лозу пригибаю к земле,
Чтобы мороз не обжѣл её ранний.

Нынче пригну, а потом, к холодам,
Из междурядья землёй прикопаю:
Перед морозом в обиду не дам —
Пусть сохранится лоза молодая!

Ворохи старого лозняка
Вынесу в устье дорожной развилки...
Только б скорей заметали снега
Холмики,
грустные, словно могилки...

Дождь

Дождь моего прихода не дождался...

Ночь истопилась салом на жаровне,
Когда я отвалился от стола.

И тяжело забылся...

Только в полдень

Я вывалился в мир из духоты.

И — замер и ослеп!

И свежий воздух

Заклокотал в прокуренных мехах.

А мир сверкал! И крыши и деревья

Дымились влажно,

и совсем бесстрашно

Мальчишки, хохоча, большие солнца

Ножонками дробили, как стекло.

А воздух был шипуч, как газировка,

И, возвращаясь к жизни,

я подумал,

Некстати вовсе: «Кто устроил праздник,

Облагородив землю синевой?»

Душа ещё жила ночным угаром

И задыхалась глухо, как астматик,

Ей не хватало встряски, по всему...

И в эту же минуту встречный тополь —

Подросток,

с «неудом» по поведению,

Вдруг каплю мне за ворот уронил.

Я вздрогнул.

Замер...

И зашлось дыханье,

Когда она скользнула меж лопаток.

И понял я: недостаёт дождя!

Дождя! Дождя!

Чтоб полоснули струи

По телу, разомлевшему от зноя,

Чтоб грозовые яростные токи

Души достигли, ей напоминая

О неземном причастии её!..

И с грубоватой нежностью собрата

За этот миг дарованный прозренья

Упругий стволлик я качнул плечом.

Он вздрогнул понимающе —

и тут же

Обрушил на меня каскад дождинок:

Хотел дождя — не жалуйся теперь!

Всё это было так по-человечьи,

Что я не мог сдержаться —

рассмеялся!

И, ухватившись за него руками,

Стал с яростной беспечностью трясти.

Давай! Давай!

Одаривай!

Спасибо!

Я опоздал к дождю — а он так нужен,

Чтоб освежить усталый мир
и душу,

И в радости людей объединить.
Ещё! Ещё!

Чтоб я навек запомнил,
Что в час тоски и в час моей работы
Ты для меня упрямо сберегаешь
Частицы очистительной грозы!
...И уходя уже,

я наклонился
И различил — едва-едва — травинку:
Она, сгибаясь до земли,

держала
Огромную и солнечную каплю —
Наверно, берегла
для муравья...

— Что такое
вопросительный знак?
Это состарившийся
восклицательный...

Михаил Светлов

2
*Вопросительный
знак
в оперенье...*

ВРЕМЯ

По молодости
Время — это ветер —
Как бьются за спиною два крыла!
Уединись —
Сорвёт он двери с петель
И унесёт
В чём мама родила.
И кажешься себе ты
Исполином,
А мир —
Он будто только нарождён...
Я ощущаю время —
Словно глину,
Раскисшую под проливным дождём.

МУРАВЕЙ

*Из разговора с внуком Артёмкой
(четыре с половиной года) весной в парке:*
— Деда, сейчас опасно ходить по дорожкам.
— Почему же?
— А вот муравьишка будет перебегать дорожку, а ты не заметишь и наступишь на него. А он умрёт...

Внук, кровиночка, человечек,
Дай тебя подниму на плечи —
Ишь, под вечер потяжелел!
Видно, насуетился слишком,
Словно крохотный муравьишка,
Тот, которого пожалел.

Тоже ведь работяжка скромный:
Вот, несёт себе груз огромный,
Может — травку, а может — злак.
Бескорыстен, как ты, заботник:
Каждый день для тебя — субботник,
Что ни сделаешь — все «за так».

И снуёт, снуёт челночок,
Съел конфеточку и молчок!

Поиграй с ним чуток, не боле...
Как мне славно с тобой на воле
В поле, в парке или в саду!..

Ты всегда для меня — награда.
И за горестную ограду
С этой памятью я уйду.

Упаду где-нибудь в развилке,
Стану горькою чернобылкой
(А, быть может, и — муравьём!..)
— Что же ты загрустил, приятель?
Слышишь, стучает? Это дятел...
Ну, и где наш трудяжка-гном?..

А тебе — жить и жить в охотку!
Править миром, а может — лодкой,
Лишь бы правилось по любви.
Будешь ладным, большим, высоким!..
Только ты на меня жестоко
Ненароком не наступи...

ПОТЕРЯННЫЙ МАЛЬЧИК

Не в альбоме,
 а в хламе бумажном,
Что бывает и нужен однажды
Человеку на бренном пути,
Где так скудно о чём-то, про что-то,
Я наткнулся на жёлтое фото —
И внезапно заныло в груди.

Как могло оно здесь сохраниться?
Я забыл эти детские лица.
Я не молод. К тому же не брит.
Я и не жил
 в той выцветшей жизни!
Почему же с такой укоризной
На меня этот мальчик глядит?

Словно весь — в ожиданье ответа,
И незримая ниточка света —
Тёплый зайчик в смущённой душе...
Не его ли
 в дороге усталой,
Спохватившись в тоске запоздалой,
Я однажды оплакал уже?

Понял я, он оттуда явился:
Мир страдал и несыто роился
На просторах великой страны.
Не замеченный в мраке метельном,

Он упал вдруг
уставший смертельно,
Зацепившись за кромку войны.

Мальчик мой — воробышка угластый
Среди ласточек в галстучках красных —
Ты откуда ко мне на карниз?

Ты к чему мне
в мой час неурочный
С этой верой твоей непорочной —
С верой в маму и в коммунизм?
Ты зачем в этот мир электронный,
Словно голос с иглы патефонной,
Отозвался из небытия?
Не она ли — и боль головная,
И бессонная совесть больная —
Непреклонная вера твоя?
Нас связует лишь дата рожденья...

Он глядит на меня без почтения
И не хочет понять ничего.
Перед будущим гладом и мором
Он глядит с непонятым укором
И молчит... Но я слышу его!

«Ты сумел от меня откреститься...
Я пришёл к тебе нынче проститься,
Миг прощания не торопя.

Я пришёл к тебе

светом весенним

В пору глупых твоих невезений,
Потому как сильнее тебя...»

Мальчик мой!

Не оставь и не выдай

В этой жизни святой и обрыдлой,
Где легко оступиться опять...

Я сегодня средь публики школьной
Огляделся вокруг беспокойно,
Что-то важное силясь понять.
Словно он где-то здесь, где-то близко.
Не с его ль марсианского писка
Содрогнулась пружина в звонке?
Он придёт.

Или он. Или кто-то,

Всем похожий на этого с фото,
И, окликнув, меня налегке
Уведёт за околицу быта,
Где надежда еще не убита,
Не ударило небо грозой.
Где кислит простоквашно
Свобода
От избыточного кислорода,
Выпадающего росой.

✱ ✱ ✱

Так всегда и бывает, но всё же...
Скоро листья в лесу опадут.
Неспроста ведь гусиною кожей
Этим утром подернулся пруд.

Научи меня, лес опалённый:
Почему же, склоняя главу,
Не завидует
 вечнозелёным
Березняк, растерявший листву?

Кован кедр из единого слитка,
А берёзка в одежке простой.
Он исходит смолой
 от избытка,
А берёзка шуршит берестой...

Березняк, не приемлющий зависть...
Ты в его эту правду поверь.
Им оплачена новая завязь
Чистым золотом горьких потерь.

Он потери в апреле оплатит
Сладким соком на белой щеке...

Вон бежит по-над берегом мальчик,
Тонкий прутик зажав в кулачке.

И трепещет в слепом озаренье
Жёлтый листик на встречном ветру...
Вопросительный знак
в оперенье —
Серый гусь на озябшем пруду.

Б_{ИРА}

В. П. Астафьеву

Засмущаюсь в дороге прогонной,
Словно что-то исполнить пора,
Всякий раз, как в окошке вагонном
Обозначится имя — БИРА.

Что исполнить — давно мне известно,
Потому и смутилась душа,
Что и ныне вот
данную местность
Проскачу, неприлично спеша.

И опять за делами своими
Позабуду её вдалеке,
Вспоминая короткое имя
В подорожном казённом листке...

Вот нагряну негаданно в отпуск,
Похожу от крыльца до крыльца,
Феофана Асламова отпрыск —
Может, кто-нибудь помнит отца?

Кто там помнит!
Прошло столько лет уже.
Да и жил он — как будто в гостях:
Рвался к морю, да баба последышем
Разрешилась в пути, второпях.

Ах, отцы!
Точно шанежка сладкая,

Тяга древняя к дальним краям...
Становились нам станции бабками
Повивальными,
их сыновьям.

Как там было, в предпамятной дали?..
Но я знаю: как только могли,
Эти станции нас
обряжали,
Эти станции нас берегли.

Всем, что было,
умели делиться.
От душевной своей доброты
Тёплым мякишем
в чистой тряпице
Затыкали голодные рты...

На перроне стою виновато,
Словно ласкою мать обделя...
Так зазывно
мазутом и мятой
Пахнет раннего детства земля.

Вот и колокол вызвонил зычно
Отправленье.
Составу вослед
Покачнулась Бира,
словно зыбка,
Из которой я выполз на свет...

ЖЕНАСТЬЕ

Смыт горизонт, и солнца нет давно,
И мелко сеет дождик морозящий —
Он, словно подавание просящий,
Скребётся в листьях, просится в окно.

Погодка — в пору б умереть с тоски,
Не будь бы мне доподлинно известно,
Что там, в лесу продрогшем,
Грибы сейчас привстали на носки.

И вот бредут, ножонки оголив,
Промокшим лесом, нахлобучив шляпки.
Их — хлебом не корми,
а дай пошляться,
Беспечным детям матери-земли.

★ ★ ★

А.Л. Вальдю

Певуч песок.

И пригоршни распадков
Налиты звонким солнцем до краёв.
А на реке
в своей лодчонке шаткой
У берега гортанно ульч поёт.

Поёт себе, с коленей руки свесив,
До отрешенья песней увлечён...
О чём она,
его большая песня?
О чём она?.. Да важно ли — о чём?!

Как солнцем пади,
ею он наполнен
И, может, сам не постигает слов.
Закрой глаза —
и ты услышишь полдень
И всплеск воды под медленным веслом.

О чём она?..
Но загудел в ней ветер
И понеслись навстречу острова!
Слова журчат.
Слова — как за борт сети...
А может, песне не нужны слова?

* * *

Дочери Юлии

Не какие-то яства,
До которых ребёнок охоч,
— Ты привёз бы мне царство! —
Просила проказница-дочь.

Чтобы, значит, с короной,
Драгоценности чтобы сполна...
Ей бы царство
с короной —
Такая худая она!

В городке незнакомом
Обошёл магазины не раз,
На вопрос свой законный
Везде получаю отказ.

— Ишь чего захотели! —
Продавщицы насмешливый тон. —
Ни в одной промартели
Не делают нынче корон.

Всевозможных расцветок
Карусель самоходных авто...
Предлагают ракеты!
Да только всё это — не то.

Так красиво и точно
Современный скопирован быт.

Ну, а малая дочка
Королевою
хочет побыть!

Говорят, что эпоха
Отменила дома-терема.
А выходит, что — плохо,
Если в золушках сказка сама.

Мне за дочку обидно,
Я, наверно, на что-то решусь.
Может, с помощью МИДа,
С королевой заморской спишусь.

Дескать, Ваше Величество,
Вам не скучно там,
в райских краях?
Есть работа приличная —
Производство корон на паях.

Мы б вас так загрузили!
(Консультантом хотите в местпром?)
Чтоб во всех магазинах
Для девчонок с запасом корон!

И от славы порочной,
Где обман и кровавая месть,
Пролетарская дочка
Защитит
королевскую честь!

★ ★ ★

Текли
 эвакуации
Сквозь зиму поезда...
Вдруг —
 трелью с вариациями
Песенка дрозда!
Откуда она,
 чистая,
На станции, зимой?..
Но весело
 насвистывал
Скворчонок расписной!
— Эх, спойте,
 птицы вешние, —
Приплясывает дед, —
Те песенки
 безгрешные,
Каких на свете нет!
Он дует в них,
 он будит в них
Певунью-струну...
И люди
 в том небудничном,
Весеннем плену
Притихли, изумлённые:
— Ну и артист!..
Уходят
 просветленные,

✱ ✱ ✱

Войди в весну.
Поверь её посулам —
И солнцем истекающим
Сосулькам,
И голубому таинству
Проталин,
С чем расстаётся
Постаревший снег,
И всей земле,
Открытой для братанья,
Впервые, может,
За расстрельный век.
Проникнись
Временной метаморфозой:
Снег —
Тонкое творение мороза,
Что в эту пору
Так напоминает
Раздумья застарелые твои,
Весна берёт в ладони —
И сминает,
Что значит — воду талую
Творит.
Ты походи подольше.
Помолчи,

И ноги в талых водах
Промочи.
Смотри:
На вязе почечка припухла...
И вдруг поймёшь,
Невольно оробев:
То, что со снегом происходит
Жухлым,
Незримо происходит
И в тебе...

В МОСКВУ, НА УЧЕБУ..

Дане

Свет забытья без мерцания
Сизо-фиалочный
Мир обезличит —
и снова возникнет, рисков,
Профиль расплывчатый
Девочки —
Провинциалочки —
И замирающий цокот её каблучков.
Как, уходя, она врезалась,
Бойко угластая,
В уличный мощный поток,
Головёнкой вертя!
И приняла её улица
 так понимающе ласково,
Осознавая, что всё-таки
Это — дитя...
Радость и боль — наши дети,
 желанные,
Поздние!
Чутки на оклик
И глухи покуда на зов.
Как они бредят и рвутся
Дорогой непознанной
Прямо по праху иллюзий
Усталых отцов!..
«Не торопись уходить!..»
И — теряю, теряю...
И наплывает на сердце
Глухая вина.

Нынче тебе её —
Слышишь, столица?! —
Вверяю,
Так сохрани её —
Как ей защита нужна!
Как же смешна она
В спешной своей деловитости,
Словно почуяв:
Отцовский ослаб поводок...
Так накорми её
 варевом знаний
До сытости,
Чтоб не тянуло её
На похлёбку изжёванных догм!
И утоли, не жалея,
Её неуёмную жажду,
К вечным источникам дверь укажи —
И поверь...
Вот и она затерялась
Среди твоих граждан,
Хоть и приёмная,
А Ломоносова дочь.
«Не оглянись!..» —
И сердце кольнула обида.
Я по злопамятству
 всё запишу
На песке,
Ни на мгновение
Не выпуская из вида
Синюю жилочку
На беззащитном виске...

Поиск

Из спеси ли он мерит веси,
Или для дела не созрел?
Мир тесен ли?

А может, пресен?..
Но есть же этому предел!

Что ищет?
Даровую пищу,
Жизнь беззаботную любя?
Бывает так...

А может, ищет
Он настоящего себя?

Того, который, брат, такое
Талантливое сотворит!..
Такое...

А оно какое
На вкус, на запах и на вид?

Вот снова —
словно канул в воду...
Ага, откликнулся на зов!
Но как!

Провозгласил свободу
От всех и всяческих оков!

Со мною, дескать, не шутите!
Исчез...

И вот опять возник...
Еще он молод.

Не спешите
Его схватить за воротник.

Ему оплошка — не в оплошку,
И впрямь — не ведом потолок.
И на ходу горят подошвы,
Да вот разуться невдомёк.

Пускай потычится незряче,
Сухим не выйти из воды.
Пока однажды

не заплачет
От счастья. Или от беды?..

НАСТРОЕНИЕ

Внуку Артёму

Как бы эпоха была ни строга —
Видишь — растаяли все же снега,
И неспроста

 в мочке неба ночного
Лунного камня сверкает серьга.

Благослови воскрешенье души!
В эту эпоху сплошной перестройки
Только цветы
 удивительно стойки —
Как они свежи и как хороши!

Март разгоняет тебя: не робей!
Что нам, дотошным, небесная кара!
Мчатся дворняги —
 прелестная пара:
Полудворянка и полуплебей.

Время любить, улыбаться и петь.
Так посоветуйся — хоть с одиночеством:
Что тебе хочется,
 чтобы упрочиться,
Что тебе надобно,
 чтобы взлететь!

✱ ✱ ✱

Теряется юность в туманах,
Неясной звездой становясь...
Но стоит

затронуть баянам
Военного времени вальс —

И вновь

молодым однолюбом —
Отцовский пиджак на плечах —
Пройду я к рыбацкому клубу,
Подковками гулко стуча.

Висячая лампа с простенка
Мигнёт и прибавит огня,
Рыбачка —

нарядная Ленка —
Смущаясь, окликнет меня.

Я вспыхну от радости жгучей,
И тут же её приглушу.

И Ленку

на танец летучий
Пред публикой всей приглашу.

И словно бы так, между прочим,
Скажу невпопад,
что люблю,

И снова ботинком рабочим
На Ленкин сапог наступлю.

И только с последним аккордом
Оставлю я Ленку-красу...
Уйду
из военного года
И светлую грусть унесу.

* * *

Вовсе не скучно
Под серую сенью...
Сам я стал тихим,
Как дождик осенний,
Осиротелым полям не постыл.
И ничего напёред не обещано...
Дождика в листьях
Невнятица вещая
Выше пророчеств кукушки
Пустых.
Только постичь её люди
Бессильны...
Перескажи,
Переводчик-осинник:
Что там творится сейчас
В небесах?
Сколько
Отмерено мне на часах?

БРУСНИКА

[illegible]

Крутые бугристые склоны
Встают из тумана вдали,
Как будто большие ладони
Без усталости щедрой земли.

Там грустные бродят медведи
В предчувствии скорой зимы...
И я уйду на рассвете
От города и от жены.

Туда не пробито тропинки,
Там скалы обвалом грозят.
Брусничинки,
 точно кровинки,
На тоненьких ветках висят.

Так рады нежданному гостю —
Пришёлся, видать, ко двору.

И радуясь,
 прямо из горсти
Бруснику губами беру.

А сок её вяжет горчинкой —
Той, в радости
 малой горчинкой, —
И болен я ей, и здоров...

Порезал я палец травинкой —
И капает, капает кровь
На землю,
 на мокрые травы,
И надо порез залечить.
И капельки красной утраты
От ягод мне
 не отличить.

3 АПОЗДАЛОЕ СЛОВО

Заря в окне —
 как отблеск бед,
Какой печальный час!
Как будто льётся этот свет
Из выплаканных глаз.

Вот так мерцает в темноте
Рентгеновский экран:
Как жил в житейской суете —
Не утаишь обман.

Как жил?.. По совести своей
И выгод не искал,
И от товарищей-друзей
Души не замыкал.

Их и в беде, и на пиру
Не обносил теплом...
Любовь
 стояла на ветру
В пальтишке продувном.

Меня проглатывала мгла
Сомнительных затей...

Любовь
ночами берегла
Покой моих детей.

Что заслужил в своей судьбе?
Что скажут друг и враг?..
На днях услышал о себе:
— Он ничего... Добряк!..

Скажи. Любой упрёк приму!
Она вздохнёт, любя,
Оставив право самому
Судить себя.

✱ ✱ ✱

Заступила пора листопада,
Паутинная вяжется нить...
На отцовской могиле ограду
Время самое мне обновить.

Молотком проверяю штакетник,
Крашу краской его голубой...
Ну так с чем же пришёл ты,
наследник?
Что там тянется вслед за тобой?

Но о жизни не думая бральной,
Вспоминаю, как весел, и тих,
Он любовно ошкуривал брёвна
И на плахи разделявал их.

И любил о текущем моменте
Переброситься так, между дел.
А когда он точил инструменты,
Я точило за ручку вертел...

Почему-то запомнился очень
Этот серый вертящийся круг.
Этот пот, заливающий очи...
Вырывается ручка из рук!

И топор, и железка к рубанку...
«Привыкай!»

Ну, а я-то молчу.

Шевелю я беззвучно губами,
Проклинаю его и верчу.

Но — привык.

Так привык, что поныне
Я нет-нет да почувствую вдруг:
Ломит руки, и горше полыни
Пот стекает, и — вертится круг!

И уже от него я завишу,
То он лёгок, то снова тяжёл.
Только что на нём точат —
не вижу,
Кто с какою «железкой» пришёл ...

Знать, отец, обучал ты умело,
Память словом я не оскверню.
И когда я дойду до предела
И последних коней загоню —

Не оплачу слезой неудачу,
А увижу — как есть молодой:
Солнце чёрное
кругом наждачным...
И так сладко засаднит ладонь.

★ ★ ★

А. Драбкину

Учителя в различном чине,
То уговором, то грозя,
Меня настойчиво учили:
Вот эдак — можно, так — нельзя.

— Не будь, — учили, — легкомыслен!
Не уставали поучать:
— Опять пошёл на коромысле
Пустыми вёдрами бренчать!

И я мрачнел, лишался сна я,
На шутки огрызался зло.
И жернова самосознания
Во мне вращались тяжело.

Чему учили — делал честно,
К тому же вроде не дурак,
Но на муке добротной

тесто

Не поднималось — ну никак!

И тут-то — подсказал ли кто-то
Иль сам дошёл — не в этом суть,
Но повело на анекдоты,
Да на такие — вспомнить жуть!

Я хохотал до безголосья,
«Ха-ха!..» — до ломоты в зубах:
Что ни философ — рогоносец,
Что ни герой — то вертопрах!

«Как? Как?» — выпытывал со всхлипом.
Вращайся, мельница, крутись!
И, словно отболевший гриппом,
Стал с хитрецей глядеть на жизнь.

А мне:

— Ты катишься в болото!..

Махнул:

— Мне с вами не с руки!..

Коль без закваски анекдота
Не получались пироги.

★ ★ ★

Как лучины, он строчки строгал.
Торопился. Поймите поэта!
Может, срочно строчил мадригал?
Или стихотворенье в газету...

Все мы в средствах порой стеснены,
Да и слава не ждёт на подушке.
Он спешил.

На него со стены
Удивлённо поглядывал Пушкин.

Гладко слово за словом текло,
Но за три сантиметра до точки
Задрожало от гула стекло
И нервически дрогнули строчки.

Что напомнил ему самолёт,
Совершавший крутой обмолот
Средь созвездий
под гром и сполохи?

Ведь какие же надо слова,
Чтоб не взяли бы их жернова
Равнодушно жестокой эпохи!..

И во тьму удалялись, спеша,
Три огня, словно знаки знаменья.
Словно б это живая душа
Отлетала от стихотворенья...

СКУЛЬПТОР

Был забулдыга, склонен был к запою,
Но Муза иногда, а навещала, —
И вылепил какому-то герою
Он памятник. И пресса отмечала!

И стал он замкнут и высокомерен.
От старой пьяни ничего в помине.
Порозовел и утвердился в вере —
Не бублики же он печёт из глины!

Не обижайтесь на него, простите,
Не умирать же от житейской скуки!..
Он в мастерской.

Он, может, Афродите
Милосской присобачивает руки.

★ ★ ★

Как-то под осень
Траншею я рыл с мужиками
(Много уж лет
С той далёкой поры разменял...)
Всем существом своим
слабым,

Руками, ногами
В грубую твердь я
Тупое железо вгонял.

Что мужику?
Он и голову в дело включает,
Да и по прочим параметрам
Мне не ровня.
Всё же кайлил я,
Всё более ожесточаясь,
Но и земля
Не жалела, конечно, меня.

Вдруг подошёл бригадир,
Надо мной наклонился,
И головой покачал,
И, простудно сипя,
Странно сказал: «Молодец!
(Словно в чём усомнился)
Поберегись,
Чтоб на завтра хватило тебя...»

Вот о чём вспомнил
В дыму полуночного часа!
И удивился,
Тревожные мысли гоня.
Что-то всё чаще мне
Думаться стало боязно:
Хватит на завтра —
 хотя бы на завтра! —
Меня?

Нету на это ответа
В задачнике жизни,
Это мне разум диктует:
Себя пожалей!..
Ночь прогорела под лампой.
С какой укоризной
Смотрит в глаза мне
Проснувшийся воробей!

ЛЕТУЧЕЕ СЛОВО

Оно влетело в комнатку мою,
И я его перехватил в полёте,
А после черной тушью на клею
На белый лист в пустующем блокноте
Приклеил.
Или было всё не так?
Оно само, усталое, присело,
Чтоб осенить, как некий сверху знак,
И улетать уже не захотело.
А может, приземлилось-то шутя,
Из любопытства, в поисках познания?..
И, неземное, сникло, как дитя,
От моего тяжёлого дыхания.

★ ★ ★

Стою я, защищён стеклом
От уличного гула...
Вон
С поднятым воротником
Согбенная фигура.
Он что для вас?
Так, ничего,
Или, вернее, «некто».
Но я-то выделил его,
Как цвет один из спектра.
Он был здесь.
Выслушать пришлось.
И вроде в чём-то клялся...
По снегу белому
Мой гость
Ползёт
Чернильной кляксой...

УРОКИ БЕЛОПИСАНИЯ

Памяти друга-поэта

*Мне подарили белый карандаш
с улыбкою загадочной: «Он ваш».*

Роман Солнцев

Действо такое
Мне, может, простят, неумелому,
И не надеюсь
Услышать вослед «исполать»:
Вместо того, как и принято,
Чёрным по белому
Стал приучаться по чёрному
белым писать.

Это же так интересно!
Попробуйте сами.
Словно бы тайна бежит,
Оставляя следы.
Или по чёрному снегу
Уносятся сани,
Или — замедленный росчерк
Падучей звезды.

Может, условятся люди
Под ропот негромкий
(Хоть сумасшедшим за это меня назови!):
Чёрным по белому будут
писать

Похоронки,
Белым на чёрном —
Заклятия вечной любви?

Правильно, праведник,
Жил ты, а выпало — начерно.
Набело выправить —
Легче сойти под откос!
И в утешение,
Всё, что убито неначатым,
Именно белым пропишется
В черни волос.

Ты на прощанье
Огладишь любимые лица
Беленьким лучиком
Из-под чернеющих вежд.
Ты им оставишь на память
На чёрной странице
Белые нити
Застиранных бытом надежд...

✱ ✱ ✱

Нет, не знаком я с этим стариком.
Едва рассвет, а он у водной глади
Уже следит за чутким поплавком,
Казалось, вовсе не улова ради.

Копаются он в банке жестяной,
Как в памяти, наживку выбирая,
Он как-то поздоровался со мной,
Без любопытства, руки вытирая.

— А как с уловом? — я спросил его.
Не удостоил он меня ответом.
Он, словно отключён был от всего.
С удилищем. У мутной речки Леты...

★ ★ ★

Вот книга — банальная драма,
Забытому веку под стать.
А всё-таки тянет упрямо
Её перед сном полистать.

Набор канонических правил:
Злодеи, любовь, талисман...
А словно бы что-то оставил
Средь строчек чужого письма.

МЕНЬШИЙ БРАТ

Настояла всё же дочка
А душа у нас мягка:
За наличные, в рассрочку
Приобрёл я в дом щенка.

Вот придёшь домой с работы —
Так и вьётся, то-то рад!
И в душе оттаёт что-то...
Вот что значит — меньший брат!

Кособок, родня дворнягам,
Им, таким-то, несть числа.
Ты за стол, а он уж рядом,
В ожидании мосла.

Гонит слюнки (ну и глуп же!):
Подождём, мол, ничего...
Но однажды я поглубже
Заглянул в глаза его.

А в глазах его лучистых
Уголёчком тлела злость:
«До чего же, сволочь, чисто
Он обглаживает кость!..»

Г ОРОДСКОЙ РОМАНС

Ах, где она теперь,
Которая любила!
Ты сам захлопнул дверь,
И сердце отпустило.

Ты верил, отлюбя,
Что всё навеки канет,
И прошлое тебя
Отныне не достанет.

И всё уже давно
Забыто... Но однажды
Поймёшь вдруг, что вино
Не утоляет жажду.

И холоден огонь
Случайного свиданья,
И жгут твою ладонь
Ключи от зажигастья.

И вот открыт гараж —
И вздрогнула машина!
Быть может, всё кураж
Иль просто чертовщина.

Но рвёшься к тормозам,
А мчишься от порога
Туда, куда ты сам
Перекопал дорогу...

✱ ✱ ✱

Внучке Полине

Девочка-птаха
Играет с утра в телефончик.
Трубочку плотно
Она прижимает к ушку —
И в колокольчике рта
Бьётся розовый кончик.
Чем-то взволнована,
Чувствую по голоску.

Девочка срочно звонит
В тридевятое царство
(Это же надо туда
Дозвониться суметь!)
Может, нуждаются там
В дефицитном лекарстве?
Или не знают, где скрыта
Кощеева смерть?..

Подозреваю:
Все дети как есть — телепаты.
(А отчего бы
Сверкали глазёнки лучась?)
Как им смешны
Наши теле- и фонодебаты,

Если с царями (!)
Прямая у девочки связь...

За полчаса все дела разрешила
И рада
Девочка-птаха.
А я же вот так не сумел,
Хоть абонент мой —
Всего через улицу, рядом,
А у неё —
Аж за тридевять где-то земель!

Во что играет этот тихий мальчик?
Наверное, «в себя» играет он,
Когда срывает
лёгкий одуванчик
И обдувает с четырёх сторон.

И кружится тычинок рой несметный,
Не в силах невесомость одолеть...
Несметно их — не потому ль бессмертен
Весёлый одуванчик на земле?

И жизнь свою отлаживает город,
Гремит, звенит — и смраден, и тяжёл.
И временем убережённый взгорок,
Где памятник, неистребимо жёлт...

✱ ✱ ✱

И надо было так случиться:
Когда едва лишь рассвело,
Как две блуждающие птицы,
Мы встретились крыло в крыло.

Светло туманилась протока,
Светило всплыло из воды —
Как будто нас
 недрёмным оком
Остерегая от беды...

И надо ж было так случиться!
На все сердечные дела
Судьба,
 не соблюдая традиций,
Не ночь, а утро отвела.

Ах, ночь!
 От кружки до подружки —
Ни уговоров, ни мольбы,
От лжи, мерцающей гнилушкой,
До поздних слёз в подол судьбы.

А тут — ни чувств,
 ни глаз не спрятать,
Как перед правдою самой,

И как вселенский соглядатай
Маячит солнце за спиной...

Мы говорили и молчали
О самом важном и простом,
О чём не принято ночами...
И не раскаялись потом!

Ночной этюд

В заснувшем городе меня

Шаги мои же

оглушали.

Трамваи редкие, звеня,

Глухую ночь перебегали.

Звенели буднично они,

Ничем особо не тревожа...

Но вот пронёс свои огни

Один,

на прочих не похожий:

Он осторожно тормозил,

Как будто приседал на лапах,

Звенел тревожно,

как грозил,

А то скрипел — как будто плакал,

Будто хотел он — и не мог

На тонких дугах удавиться...

Подумалось: «Избави бог!..»

И я совсем не удивился,

Когда

в глубокой тишине,

Одним фонариком увенчанной,

Сошла,

шатаясь, как во сне,

С трамвая

плачущая женщина...

O

На ясную графику улиц
Зима напустила туман,
Так странно,
 как будто, сутулясь,
В булгаковский входишь роман.

Осколком реальности бывшей
Проносится тень воробья,
Скрывается тополь, проплывший
В свои молодые края.

И можно понять лишь по скрипу,
По лаянью труб выхлопных,
Что жизнь торжествует сокрыто
За строем деревьев лепных.

В сумятице полунамеков
Мне заново всё открывать
И снова у брезжащих окон
Тебя, незнакомую, ждать.

И там, в эпилоге чудачеств,
Дарующих лёгкость руки,
Всё прошлое переиначить
И все развязать узелки.

Прекрасно!

Да только опасно.

И оком циклопа в упор

Сквозь морось туманную

красный

Нацелен в меня светофор.

✱ ✱ ✱

Отвергну прощенье и жалость,
К чему нам всё это «кино».
Верни только малую малость,
Верни мне мгновенье одно.

Чтоб мог я опять среди ночи,
Проснувшись в холодном поту,
Как будто бы всех одиночеств
С груди отрывая плиту, —

В последнем усилии воли
Нащупать, дыша горячо,
Твоё, дорогое до боли,
С тесёмочкой узкой плечо...

✱ ✱ ✱

Такая ночь — потатчица врагу!
В ней даже море дышит обречённо.
И сам я на пустынном берегу,
Как будто на глазах
с повязкой чёрной.

И все пути вперед затворены,
И ничего не видно на полшага...
Но вдруг откуда-то со стороны
Ударил луч,
стремительный, как шпага!

Помедлив чуть, рванулся напрямик,
Отточенный,
он перерезал косо

Густую ночь — и в тот же самый миг
Ударил в грудь гигантского утёса.
Отпрянув,

он медленно пополз —
И всплесками по чёрному экрану
Прошли дома, причал,
горбатый мост —

И луч исчез, как будто в воду канул.
И гуще темень.

Только ей теперь
Сознание не хотело покориться.
Так чувствуешь в глухом подвале дверь,
Готовую

в любой момент
открыться.

✱ ✱ ✱

Опять понесло, закружило!..
Родная, прости.
В плену неурядиц я,
Точно кузнечик в горсти —
Попался, накрыли...
Не верь этой ночи —
Распутнице!
Давай погорюем
О злой и нелепой распутице.
Мне слышен твой голос,
И дверь одиноко скрипит.
К тебе возвращаюсь,
Да темень мне очи слепит!..

В плену неурядиц я —
Штормом застигнутый сейнер:
Как бьёт его море!
Да только земля — не спасенье:
Болтается, грешный,
Ободраны штормом бока,
На привязи тоненькой
Берегового гудка...

✱ ✱ ✱

Все вернётся — позови...
Млечный вечер. Дебаркадер.
И к пристанищу любви
По реке бегущий катер.

Краток и неповторим
Близок миг, и ждёт окрестность.
Только это тем, двоим,
Только им и неизвестно...

Равный жизни вспыхнет миг!
Слышишь — с губ слетело слово.
Или, может быть, родник
Так лепечет бестолково?..

Это — сладкая беда,
Это — таинство истока.
И горячая звезда
Вспыхнет ярко и высоко...

Сердце в памяти хранит:
Ночь. Бревенчатый посёлок...
Ах, как бешено пьянит
Воздуха осенний солод!

Крепкое пожатье рук,
Осознание единства

У излучины разлук
В утро, хрусткое, как льдинка.

Повернула вспять река,
День хороший, словно — «Здравствуй!»
(Солнце рукавом не застит
Ради света ночника!)

Снова будет, как тогда:
Над большой водой проточной
Женщина взмахнёт платочком,
Чтоб вернуться навсегда...

СЛАБОСТЬ

Я думаю, что зимы так жестоки!

И намертво застыли водостоки.

Вот этот был —

какой прекрасный тенор,

Лишь иногда срывался он на свист.

А этот — заливался, словно кенар,

А этот вот до грома был басист.

А что как потеряют голоса?

Метель метёт,

как бы хвостом лиса.

Я думаю, зачем же я болею?

За женского полетом каблучка

Слежу почти бесстрастно.

И жалею,

Жалею дождевого червячка...

Так размышляю, не спеша идя.

Так хочется дождя!..

★ ★ ★

Большая собака вчера умерла
Накрыта холстиною снега...
Сдох бобик — и всё тут. Такие дела.
Отлаял свое и отбегал.

Соседи враждуют.
Один на один
Схлестнулись бы в жажде отмщенья.
Так нет же!
Собаке с едою — стрихнин,
Отрава козлу отпущенья...

Хозяин бесцельно бродил по двору,
Смурной, не подверженный плачу.
«Бог видит, — шептал он, — хотел по добру»
Склонялся над трупом собачьим.

А что предпринять — он не ведал того.
Но снег так скрипел непривычно,
Как будто в глубинах его самого
Орудовал кто-то с отмычкой.

Доколе ей длиться, той страшной игре,
Иль будет всё это извечно?..
А ночью выл пёс на соседском дворе
И всхлипывал
по-человечьи.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

1.

Не толчок был, а так, сотрясенье,
Не основ, а посуды в столе,
Недостойное опасенья
И отметки на балльной шкале.

Но, однако, никак не ложится!
Всеми площадками лязгнувший быт
Вдруг заставил
насторожиться,
А собаку — по-волчьи завывать.

Словно голосом робким, как ропот,
От глубинного тёмного дна
Просигналил инстинкт
(или опыт?),
Что основа твоя непрочна.

Так недолго избу скособочить!
Я, тревожась, сидел у огня
До утра,
когда радостный кочет
Наконец образумил меня.

2.

Удар сокрытого титана
Вдруг сотрясёт земную твердь —
В душе дремучей океана
К неистовству проснется зверь.

В прыжке на берег с маху рухнет
Срывая землю с якорей!
И не спасёт глухая бухта
Судов, доверившихся ей.

И по реке пройдет жестоко
Его напорная волна.
И станет с устья до истока
Вода речная солона...

НЕПОГОДА

1.

Меня дорога круто уносила
Сюда, где океанский бьёт прибой, —
И отступало, и теряло силу
Всё то, что разделяет нас с тобой.

Да, можно жить до тошноты резонно,
Но мы с тобою так бы не смогли.
А мы с тобой
потерей горизонта
Страдаем, словно в море корабли.

В плену скоропалительных решений
Нам ничего становится не жаль...
Слежу, как из туманных отношений
Земли и неба
вызревает даль.

Отбушевал своё и отстоялся
Мир грозовой — распахнуты пути.
В свои права вступает
постоянство,
И до тебя — лишь море перейти.

2.

Неслышно жёлтым обметало лес,
Похмельно веки облаков набухли
И тяжело смыкаются над бухтой.
Лишь полоса восхода — как порез...

Как этот день аукнется в судьбе?
Не жалеюсь, такое время года...
«Какая между нами непогода!» —
С невольной болью я шепчу себе.

А непогода чёрно хмурит бровь,
Дожди кривые иссекли пространство...
Как просто было нам с тобой расстаться,
Как нелегко соединиться вновь!

Простор бушует гулом обуян...
Сквозь кутерьму дождя и листопада
Всей силой чувств
к тебе пробиться надо —
О, сохрани мой голос, океан!

«Прости!» — шепчу. И чудится в ответ
Твое — «Прости...» — над сопками и падами.
Нелепая такая
телепатия...
А дождь идет, и теплохода — нет.

Когда в предветрии заря
Ложится на залив Опричник —
Впрямь что-то есть в его обличье
От стража грозного царя.

Как бы под кожей желваки,
Он перекачивает волны...
Междоусобицы и войны
Готовят тайные враги.

К расправам лютым и боям
Пребудет страж всегда готовым —
Ведь ничего,
 опричь худого
Не ждёт опричник от бояр...

Залив, я здесь. Я не забыл, —
Жестокости твоей свидетель, —
Как ты однажды на рассвете
О скалы сейнерок разбил.

За что? Ответствуй!
В бурной мгле
Искал защиты он, увечный!..
Не отвечает
со зловещей
Ухмылкой на крутом челе.

Он так живёт — не укрощён,
Без угрызений, без боязни...
С былым
 какой-то смутной связью
Я до глубины души смущен.

Сквозь сон до первых петухов
Залива слышать буду вздохи,
Как бы дыхание эпохи,
Придавленной пластом веков.

Т НИЛОЙ УГОЛ

Загостился.

И трогаться мне бы...

Но отъезд оказался непрост:

Вдруг подёрнулось мороком небо

И завыл над поселком норд-ост.

И спросил я у «волка морского»,

Мол, надолго ль такие дела?

— А до ввода закона сухого,

Из гнилого, вишь, тянет угла...

Из гнилого...

Что ж, парень-то сведущ.

Ну а мать мне, подол беребя,

— Не горюй, — говорит, — ты уедешь.

Это мне горевать без тебя...

И ещё, чтоб плохого не думал

И чтоб как-то облегчить мне путь,

Досказала:

— Уж как бы ни дул он,

Только солнышка ветру не сдуть...

По-старушечьи были наивны

Те слова.

Почему же тогда

В дни ненастья, под вьюги и ливни

Снова слышу я их сквозь года?

Отчего берегу их отрадно,
Если жизнь не подёрнулась мглой?..
Может, есть и в судьбе нашей страдной —
Свой у каждого —
«угол гнилой».

Где роятся твои неудачи,
Только дрогни — и выступят грудь!..

Только б верить,
Стеная и плача,
В то, что солнышка ветру
Не сдуть.

Бока твои ободраны
Ветрами всех широт...
Спасибо, что ты гордая,
Как Родина и Флот!

Не зря кричал в запале
Любимец пристаней:
— Я жил в Москве бы, парень,
Да моря нету в ней!

Ему бы — море с ветром,
Чтоб кругом голова...
Спасибо, Ваша Светлость,
За честные слова.

Спасибо, не за милость,
За то, что мы — свои...
Одёжкой на вырост
Дарения твои...

* * *

Как скорбный дом,
 опустошённый вдруг, —
Так океан пронзительно спокоен.
И в сердце — неосознанный испуг,
Как будто чем-то непонятым болен.

Большой корабль стремится куда-то бег,
Его пространство медленно вбирает —
Как будто
 очень близкий человек
Мучительно и долго умирает.

И мир от боли тих и напряжён...
Но стоит ли со смертью примиряться?
Он — жив!
Его скрывает горизонт.
И надо выше самому подняться...

Ты называл их мне по именам,
И свистом позвала тебя евражка.
Ты здесь был свой
и был, как тундра, сам
С улыбкой беззащитною — бесстрашным...

Ты в радости и горе был своим,
Незаменим в цепочке друг от друга.
И верно был своей звездой храним,
Полярною.

Увы, в пределах Круга.

Нам с нею бы — бутылку «на троих»,
Но ломтик хлеба на твоём стакане...
Не трожьте старых записей своих,
Короткое таящих замыканье.

В ГОСТЯХ У ВУЛКАНА

Южно-Курильск, давно в мечтах
взлелеянный,
От нас, заезжих, таинств не скрывал,
И мы прошли к вулкану Менделеева,
Он в образе котельной пребывал.

Вулкан вблизи куда добрей и проще,
Чем издали в объятьях облаков.
Он обогрел бамбуковую рощу
И заросли гигантских лопухов.

Мы плещемся в воде его целебной,
Кудрей остаток ветер ворошит.
И отчуждённость стылая
бесследно
Отходит, растворяясь, от души.

Попыхивая в дрёме беспробудной,
Молчит вулкан, над миром возведен...
Прощай, вулкан!
Будить тебя не будем,
Мы лучше по-хорошему уйдём.

Спасибо, остров, за минуту детства,
За чуткую заботу о тепле!
За то, что всё же есть где
отогреться
На трудно обживаемой земле.

КАМЧАТСКИЙ РЯЗАНЕЦ

Когда над Камчаткой воздела
Косматые длани пурга,
Мне выпало душу и тело
Согреть у его очага...

Хозяйка готовила спешно
Еду, выставляла питьё,
И яблоки чудом нездешним
Труды увенчали её.

И помню ещё: ненароком,
Как облака легкая скань,
В беседе всплыла издалика
Родная их сердцу Рязань,

Где смотрится в тихую Трубеж,
Собою любуясь, собор...
— Уедешь, а вот не отрубишь, —
Хозяин свернул разговор.

И тронула сердце остуда,
Хозяева стихли мои...
На яблоки я им: — Оттуда?
— Да нет, — вострепенулись, — свои.

И тут же: — Поверишь ли, с нею
Мы жили здесь, точно в бреду.

Такая тоска, что во сне я
Всё яблони видел в цвету.

И думал: не выдержу, струшу,
На помощь родню не призвать.
И стал вот
 рязанскую душу
К камчатской земле прививать...

А яблоки заревом вешним
Светили нам в центре стола...
Желаю, рязанец, чтоб вечно
Рязань в твоём сердце жила!

Тоскуй по ней, где бы ты ни был,
Коль яблони с этой тоски
Пускают под северным небом
Совсем по-рязански
 ростки.

✱ ✱ ✱

Промприбор породу гонит,
Лента движется, дрожа...
Лучший спец на полигоне,
А в глазах у Славки ржа.

Говорит он так печально
(А в душе-то материт):
— Отпусти меня, начальник,
Отпусти на материк!..

Вот беда ещё свалилась!
С планом форменный завал,
Ну, а тут — скажи на милость! —
Человек затосковал.

Тундра марево колышет,
Тянет гарью торфяной.
Только Славка
Волгу слышит,
Спелый запах травяной.

И начальник — хитрый-хитрый,
Он и сам на Волге рос —
Говорит он: — Сопли вытри!
На пять дней — на сенокос!..

Улетишь с бригадой, Слава,
В лесотундру — не горюй!

Там ведь тоже в пояс травы,
Там не Волга, но — Анюй!

Отобьёшь косу,
отыщешь
Косовище по руке —
И пойдёт коса, засвищет,
Точно рыбка по реке!..

Наломает косовица
Руки Славкины в плечах,
И на сердце отстоится
Накипь серая — печаль.

А когда уже крестьянин
Разомнётся на косьбе —
Так потянет,
так потянет
Прииск мастера к себе!..

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

Как морозы лютуют
В запурженных зейских верховьях!
Словно бы аттестуют
Людей по любви и здоровью.

Всё же, как ни бахвалятся,
А в посёлочек, точно по времени,
Каждый день пробивается
Вездеход из предутренней темени.

Так уж, видно, угодно
Отряду военных строителей:
Не считаясь с погодой,
Высылать своего представителя.

И машина серьёзная
У оградки замрет аккуратненько,
Выйдет в темень морозную
Представитель по имени Катенька.

И взбежит на крылечко
Всепогодно весёлого здания,
Прокричав через плечико:
— Товарищ сержант, до свидания!

И от имени части
Козырнёт ей водитель отчаянный:
Как-никак, а начальство,
Если учится в школе начальной!..

Батальон наступает —
И дорожная насыпь бугрится.
Батальон понимает,
Что сверх штата — одна ученица.

Батальону не сладенько,
Потому как земля — что гранит.
Только помнит и Катенька:
Замполит — это не Айболит.

Он придёт неожиданно —
Уж такой у него недостаток —
И не скажет обидного,
Потому как в оценках он краток.

Он раскроет на скатерти
Дневничок и на стуле устроится.
Да ка-а-ак скажет ей:

— Катенька!

Что-то «троечек»
вроде б утроилось?!

И её объяснения
Он, конечно, поймёт, но нахмурится,
И от этого мнения
Впору выскочить Кате на улицу!

Но, со стула поднявшись,
Он её над собою подбросит!
Станет вовсе не страшно:
Ничего-то он больше не спросит!

✱ ✱ ✱

Небосвод насквозь промок,
А в денёк ведренный
Синь-слезу в горячий мох
Выплакал приветливо...

Как зовут тебя, цветок,
По имени-отчеству?
С ноготок всего росток —
Пожалеть хочется.

А жалеть — не резон,
Не унизь, жалея!
Ибо тундра — не газон,
Не оранжерея.

Тундра влагой налита,
Чаем перегретым...
Здравствуй, молвлю, красота,
На краю света!

Как пурга тебя секла —
Да не выкосила.
Перекрашивала мгла —
Да не выкрасила!

Сквозь такую маету
Пронесла нежность...
Видно, крепко красоту
Корешки держат.

МЕСТНЫЙ ПОЕЗД

Ах, этот поезд дерзкий,
Ему — хоть под откос!
Ни дать ни взять — курьерский,
Когда пойдёт вразнос.

Тот плавен так — на зависть
И важен так на вид.
А этот же, мерзавец,
Вприпрыжку норовит.

Сосед во сне елозит,
Трясёт — невмоготу.
Наверно, паровозик
Шурует на спирту.

Но, в слабости вникая,
Сказать я должен здесь:
Какая-то такая
В нем прелесть всё же есть.

Он так людем напичкан,
Что не ступить ногой!
Но он
 демократичней
От тесноты такой.

Коль местный, так — безместный,
Езжай хоть на весу!
И говорок непресный
Тем поездам к лицу.

Под эти «тары-бары»
Почудится, что вот
За общим самоваром
Собрался весь народ.

А то вот, как с разбега
Да в омут, канешь в сон —
И явится
 телега —
С травой или овсом.

Трясет её проселок,
И конь бренчит уздой,
И ты —
 такой весёлый,
К тому же — молодой!

Луга да перелески,
И не в беду — беда!..
Такие сны
 в курьерских
Не снятся никогда.

Поверите, быть может,
А может быть, и нет...
О боже! С полки всё же
Свалился мой сосед.

ВЕШНИЙ ЗИМНИК

Памяти В. Борзыкина

Весна всё круче набирала мощи,
А через марь дорога на раздрай.
Но нам — подай чужую жизнь на ощупь,
А нам туда,
на голос твой, Сукпай!

Народ бывалый пожимал плечами:
Мол, эту глупость просто не постичь,
Когда, сверкнув безумными очами,
По зимнику рванулся наш «москвич».

Какой он зимник, если без мороза!
Уже к обеду на дороге сей
И лесовозы проливали слёзы,
В марь зарываясь глухо до осей.

Есть колея, хоть и за ямой яма,
Рабочая — и всё бы нипочём,
Да вот в неё не вписывался явно
Писательский весёлый москвичок.

И он юлил на этой гиблой ленте,
То вдруг взрывался бешенством колёс.
А то и вовсе

неинтеллигентно,
Сорвав глушитель, он на брюхе полз.

Из тягача, что обходил неспешно
Нас, бедствующих,
 глядя свысока,
Суровый парень покрутил с усмешкой
Обидно очень пальцем у виска.

А наш шофёр — он весь сосредоточен,
Он только взгляд на миг один скосил...
Давай, Витёк!

 Мы тоже из рабочих,
Не может быть, чтоб не хватило сил!

А жизнь — она похуже булки пресной,
Когда в ней происшествий никаких.
Так и должно быть,
 если наши песни
Прописаны в таких местах глухих...

Как принял нас приветственно лесочек,
Когда мы одолели колею.
Мы бережно и нежно на пенёчек
Поставили безгрешную свою.

Давай, Витёк,
 поразомни ладони,
Разбитые, над тихим костерком.
Мы тягача в пути ещё догоним,
Ему и на асфальте нелегко...

СуЛУК*

Сулук грузнел среди воды.
Природа, слово бы в отмщенье,
Вдруг принялась в разгар страды
За выясненье отношений.

И выяснила. Но ещё
Даль закрывал туманный полог,
Где сопки мощное плечо
Держало бережно посёлок.

И лиственниц тяжёлый строй...
И здесь, в глуши, среди потопа
Вокзал в отделке дорогой
Был — как усмешка филантропа.

И мне понятен был мой друг,
Когда, форсируя траншеи,
Он размышлял ворчливо вслух,
Что «строить можно подешевле».

И в этот миг из плена туч
На волю вырвалось светило —
И прояснило абрис круч,
И светом мрамор окатило!

* Станция на Восточном участке БАМа

И засветилось изнутри
Ответно мраморное тело,
И ровным отсветом зари,
Живое, вспыхнувши, горело;

И, вынырнув из сентября,
В нём трепетал пейзаж таёжный,
Как бы разглядывал себя
Впервые в зеркале неложном;

И запах праздничный смолы
К нам нанесло оттуда с ветром...
Вот так
 из сумеречной мглы
Россия вынырнет к рассвету.

Не век отмерен нам — года.
Ведь научились, можем, смеем!..
А сколько стоит красота —
Так это солнышку виднее.

★ ★ ★

— Брось понапрасну время тратить
На всю на эту маету! —
Так отговаривал старатель
Меня в анадырском порту.

Он после выпитой «зубровки»
Был сам утрюмым, как бизон,
На день восьмой
командировки,
Когда в разгаре промсезон.

— Ты, точно ангел, летаешь, —
Он злился, явно ни с чего, —
Но только фигурки узнаешь
Её ты больше моего!

И выворачивал он фигу
Коряво, смачно, от души.
— Ты полопать её, сквалыгу,
А хошь — так после напиши...

Ты прав, старатель.
Что судачить?
Как воду в ступе задарма.
Я сам «лопачу» — чуть не плачу,
Да «золотишка» вот — нема...

Земля не примет, не согреет,
Не возведёт к своей судьбе,
Пока в работе не сопрееет
Вконец рубаха на тебе.

И ты на прииске Отрожном,
И я в своём углу берложном —
Мы в этом деле знаем толк!
Но становился неотложным
Мой путь на северо-восток.

Лишь убедиться бы пока мне,
Что и у северных широт,
Где жжёт мороза жуткий пламень,
Где не выдерживает камень!
Единомышленник жи-вёт!

Н ОЧЬ НА АМУРЕ

Воду чёрную морщина,
Теплоход легко бежит.
Мерно стучает машина,
Мелко палуба дрожит.

Звёзды бродят в чёрной бездне
Среди облачных террас...
В третьем классе едут песни,
В первом классе — преферанс.

Это так несовременно,
Если в мире тишина,
Если рядом откровенно
Первобытная страна.

Волн глухое лепетанье,
Древний выговор реки...
Здесь живут островитяне
Всем эпохам вопреки.

И, в ночи собравшись кланом,
Важно судят о делах,
Упоительно и плавно
Няньча трубочки в губах.

Судят, головы морочат:
Дескать, трудно стало жить.

Утонула оморочка —
Надо бога ублажить.

О рыбалке, о погосте...
И особый грамотей
Всё запишет на берёсте
Рыбьей костью без затей.

Всё, как есть, обсудит племя,
Отойдёт ко сну народ...
Ночь, глубокая, как время,
Втягивает теплоход.

ЭТОЙ ЗИМОЙ

Что происходит со мной
Этой стылой зимой?
(Даже деревья,
под ветром стеная, не гнутся!)
Словно бы мир от меня
За стеклянной стеной —
Всё, что люблю
И к чему так хочу
Прикоснуться.

Что происходит?
Не сам ли тому я виной?
Всё выскользает,
И, падая, блюда не бьются,
Мимо несутся
И этот вот парень хмельной,
Женщина эта,
Лукаво успев улыбнуться.

Друг мой, не зная,
Что я уже — глухонемой,
Что-то кричит мне,
А я его вовсе не слышу...
Что там увиделось в дали,
Такой неземной?
Что там прояснилось
Неба холодного выше?

Всё, что люблю,
Не избыл в себе,
Нет, не забыл —
Женщину, небо, детей, перелески,
Плотины...
Может, за всё,
Что всей жизнью,
Всей кровью любил,
Слишком уж дорого
Сердце моё заплатило?..

Что происходит
За лесом,
За дымною мглой
Дня заводского
И зова, такого простого?
Кто там, жестокий,
Алмазною режет иглой
Это стекло голубое
Над крышею крова?..

Уж не за тем ли,
Чтоб в этот пролом с высоты
Встречно спланировал
Странно улыбчивый вестник,
Чтоб увести за собою
Туда, где цветы,

С о д е р ж а н и е

От автора	5
«Странно: стал ценить воспоминания...»	9

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

Время отстоя	13
«Спит село на Осиновой речке...»	15
Подорожник	17
В родительский день	19
Подкова	21
Куст орешника	25
Ясная ночь	27
«Вести — словно с войны...»	29
Старики	30
«Ты в миру стал никчёмн и сир...»	32
«Как славн о посидеть...»	33
Предгрозье	34
Приграничье	35
Крестьянские думы	36
«Упаду на соцветия клевера...»	38
Царь	40
«Всё, что было — отпылило...»	41
Ангел мой	42
«Твои цветы поотцветут...»	44
Предзимье	45
Черёмуха	47
Тянигус	49

Пророк	51
Так они и жили...	53
Подмости	55
«Он ранен был в трудных боях...»	56
«Вспоминаю ту беду...»	57
«Где-то залпы били...»	59
Бывальщина с моралью	61
«Когда от гари...»	63
Последний рубеж	64
«Я бросил на табличку взгляд...»	65
Человек с бухенвальдским значком	66
«Человек седой, огрузлый...»	67
«Вы правы. Я, конечно, старомоден...»	69
«Мне так сказал знакомый русовед...»	70
В Троице-Сергиевой лавре	71
«Этот послевоенный набор...»	73
А вдруг	76
Бессонница с мышами и «Маяком»	78
«Нет, я не каюсь...»	81
В то лето...	82
«Я поседею от ветров...»	84
Слепой дождь	85
Праздные мысли	87
«Ах, как пополнили вы, похорошели...»	89
Обнова	90
Тусовка	92
«Коль музыка юному чаду...»	94
Перед заутреней	95

Перевал	96
Переделкино 1976 года	98
«Мы как навалимся...»	100
«Друг о друге — так, обмолвки...»	101
«Кто ни пришёл бы...»	103
«Он читал мне стихи у столба...»	104
«В поэзию пошёл...»	105

Из «ЗЕЙСКОГО ДНЕВНИКА»

I. Перекрытие	106
IV. P.S.	113
VIII. На водохранилище	115
XI. Первенец	117
XII. Концерт	119
XVI. «Освободиться бы от укоризны...»	121
Перекур	123
Сварщик	124
Механик	126
«Какое веселье, бывало...»	128
«Любите простые ремёсла!..»	130
Снился сон	131
«Вот завершается круговорот...»	133
Дождь	134

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК В ОПЕРЕНЬЕ...

Время	139
Муравей	140
Потерянный мальчик	142

«Так всегда и бывает, но всё же...»	145
Бира	147
Ненастье	149
«Певуч песок...»	150
«Не какие-то яства...»	151
«Текли эвакуации...»	153
«Войди в весну...»	155
В Москву, на учёбу...	157
Поиск	159
Настроение	161
«Теряется юность в туманах...»	162
«Вовсе не скучно...».	164
Брусника	165
Запоздалое слово	167
«Заступила пора листопада...»	169
«Учителя в различном чине...»	171
«Как лучины, он строчки строгал...»	173
Скульптор	174
«Как-то под осень...»	175
Летучее слово	177
«Стою я, защищён стеклом...»	178
Уроки белописания	179
«Нет, не знаком я с этим стариком...»	181
«Вот книга — банальная драма...»	182
Меньший брат	183
Городской романс	184
«Девочка-птаха...»	185
«Во что играет этот тихий мальчик?...»	187

«И надо было так случиться...»	188
Ночной этюд	190
Оттепель	191
«Отвергну прощение и жалость...»	193
«Такая ночь — потатчица врагу!..»	194
«Опять понесло, закружило!..»	195
«Всё вернётся — позови...»	196
Утро	198
Слабость	199
«Большая собака вчера умерла...»	200
Землетрясение	201
Непогода	203
«Когда в предветрие заря...»	205
Гнилой угол	207
Бухта Светлая	209
«Как скорбный дом...»	211
«Высоковольтным током — провода...»	212
В гостях у вулкана	214
Камчатский рязанец	215
«Промприбор породе гонит...»	217
Представитель	219
«Небосвод насквозь промок...»	221
Местный поезд	222
Вешний зимник	224
Сулук	226
«— Брось понапрасну время тратить...»	228
Ночь на Амуре	230
Этой зимой	232

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус) 6
А72

Новая книга стихотворений известного поэта-дальневосточника М. Асламова включает стихи последних лет, а также стихи из прошлого в контексте осмысления резких сдвигов в жизни общества, в судьбе его любимого лирического героя — человека труда, романтика по характеру и создателя по призванию.

Творчество поэта в целом можно отнести к пласту социально-философской русской поэзии, возрастающей из повседневности жизнь, помогающей человеку не утратить чувство прекрасного, чувство достоинства, веру в будущее.

ISBN 978-5-98621-028-5

Асламов Михаил Феофанович

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

Стихотворения

Рецензенты: Л. Миланич, Ан. Полищук

Редактор: в редакции автора

Художник: С. Чешкин

Корректор: И. Шаврина

Подписано в печать 14.06.2009.

Формат 76х100/32. Бумага офсетная.

Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 10,50.

Тираж 700 экз. Заказ 983.

Хабаровское региональное отделение
Союза писателей России

Отпечатано в Хабаровской краевой типографии.
680038, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Мальчик мой — воробышка уластий
Среди ласточек
В залстужках красных —
Ты откуда ко мне на карниз?
Ты к чему мне
В мой час неурочный

С этой верой твоей непорочной —
С верой в маму и в коммунизм?!
Нас связует лишь дата рожденья...

